

ПРЕДУПРЕЖДЕНИЕ И НАКАЗАНИЕ ПРЕСТУПЛЕНИЙ
ПРОТИВ ЧЕЛОВЕЧНОСТИ: ПРОБЛЕМЫ РАЗРАБОТКИ
МЕЖДУНАРОДНОЙ КОНВЕНЦИИ
(обзор работы комиссии международного права ООН)

Н. А. САФАРОВ*, Ф. Н. САФАРОВ**

В настоящей статье рассматриваются важнейшие проблемы деятельности Комиссии международного права ООН (КМП) в связи с разработкой проекта новой Конвенции о предупреждении и наказании преступлений против человечности.

Эффективный международный ответ на совершение преступлений против человечности является одной из главных целей международного сообщества в целом. Как это предусмотрено в Римском статуте Международного уголовного суда, подобный тип ключевых преступлений не должен оставаться безнаказанным и их ответственное преследование должно быть обеспечено как мерами, принимаемыми на национальном уровне, так и активизацией международного сотрудничества. В достижении данной задачи существенную роль может сыграть принятие Конвенции о предупреждении и наказании преступлений против человечности, которая может распространить принцип верховенства права в отношении преступлений против человечности за пределы норм Римского статута.

Как известно, в настоящее время Международный уголовный суд осуществляет юрисдикцию в отношении таких категорий международных преступлений, как геноцид, военные преступления, агрессия и преступления против человечности. Первые два преступления были кодифицированы соответственно путем принятия специализированных конвенций в 1948 и 1949 гг. вскоре после окончания Второй мировой войны. В отличие от геноцида и военных преступлений нормы о преступлениях против человечности формировались посредством эволюции международного обычного права. Однако то обстоятельство, что начиная с 1919 г. не была принята конвенция о преступлениях против человечности, является свидетельством серьезного пробела в современном международном праве. Лишь в 2013 г. на 65-й сессии Комиссия международного права ООН постановила включить тему «Пре-

* Сафаров Низами Абдуллаевич — доктор юридических наук, руководитель юридического департамента Аппарата Национального Собрания Азербайджанской Республики, эксперт подразделения по предупреждению терроризма Управления ООН по наркотикам и преступности, член Римской исследовательской группы по проблемам Международного уголовного суда.

Nizami A. Safarov — doctor of legal sciences, Head of Legal Department of the Secretariat of National Assembly of the Republic of Azerbaijan, expert of the Terrorism Prevention Branch of the UN Office on Drug and Crime, Member of the Rome Research Group on the International Criminal Court.

E-mail: nizami.s@rambler.ru

** Сафаров Фахри Низамиевич — сотрудник Главного управления по борьбе с коррупцией при Генеральной Прокуратуре Азербайджанской Республики.

Fahri N. Safarov — adviser of the Anti-Corruption General Directorate with the Prosecutor General of the Republic of Azerbaijan.

E-mail: fahrisafarov@gmail.com

© Сафаров Н. А., Сафаров Ф. Н., 2016

ступления против человечности» в свою долговременную программу работы. Затем на 66-й сессии в 2014 г. Комиссия постановила включить эту тему в свою текущую программу работы и назначить специального докладчика.

Разработка и принятие специализированной конвенции, касающейся одного из ключевых преступлений, имеют два важнейших аспекта: первый — материально-правовая кодификация преступлений против человечности; второй — определение специфических мер по предупреждению и наказанию преступлений против человечности.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА: преступления против человечности, геноцид, военные преступления, Международный уголовный суд, универсальная юрисдикция, экстрадиция, Проект кодекса преступлений против мира и безопасности человечества.

SAFAROV N. A., SAFAROV F. N. PREVENTION AND PUNISHMENT OF CRIMES AGAINST HUMANITY: PROBLEMS OF DRAFTING A NEW INTERNATIONAL CONVENTION (review of the work of the UN International Law Commission)

This article deals with the most important problems of the activity of the UN International Law Commission in preparing the draft Convention on the Prevention and Punishment of Crimes against Humanity.

Effective international response to the scourge of crimes against humanity is one of the main objectives of the international community as a whole. As indicated in the Preamble to the Rome Statute of the International Criminal Court, this type of core crimes must not go unpunished and their effective prosecution must be ensured by taking measures at the national level and by enhancing international cooperation. Adoption of the Convention on the Prevention and Punishment of Crimes against Humanity can play a significant role in achieving this goal. This Convention would extend the rule of law principle as regards the crimes against humanity beyond the norms of the Rome Statute.

It is commonly known that the International Criminal Court currently exercises jurisdiction over three categories of international crimes: genocide, war crimes and crimes against humanity. First two crimes were codified by specialized Conventions in 1948 and 1949 respectively, soon after the end of World War II. Unlike genocide and war crimes, the norms regarding the crimes against humanity have primarily been developed through the evolution of customary international law. The fact that since 1919 there has been no specialized convention on crimes against humanity is an evidence a serious gap in the contemporary international law. Only in 2013 at its sixty-fifth session the UN International Law Commission decided to include the topic «Crimes against Humanity» in its long-term working program. Then, at its sixty-sixth session in 2014 the Commission decided to include this issue into its current working program and to appoint a Special Rapporteur. Drafting and adoption of the specialized convention on crimes against humanity concerning one of the core crimes has two main aspects: firstly, substantive codification of crimes against humanity; secondly, identification of specific measures to prevent and punish crimes against humanity.

KEYWORDS: crimes against humanity, genocide, war crimes, International Criminal Court, universal jurisdiction, extradition, Draft Code of crimes against peace and security of mankind.

Преступления против человечности наряду с агрессией, геноцидом и военными преступлениями составляют категорию «основных», «ключевых» международных преступлений (*core crimes*)¹, в преследовании

¹ Forms of Responsibility in International Criminal Law / ed. by G. Boas, J. Bishoff, N. Reid. Cambridge, 2007. P. 4; *Damgaard C.* Individual Criminal Responsibility for Core Inter-

которых существует юридический интерес международного сообщества в целом².

Доминирующая реакция международного сообщества на указанные международные преступления выражается посредством права международной ответственности, распространяющейся на указанных лиц. Ее символом выступает преследование индивидов посредством международных уголовных судов и национальных судебных инстанций, считающихся во многих отношениях наиболее значимым проявлением заботы об основных ценностях, объединяющих международное сообщество³. Отражением необходимости преодоления безнаказанности за ключевые преступления в глобальном масштабе выступают предпринимаемые усилия по формированию правового фундамента борьбы с указанными деяниями, которое можно определить как «конвенционализация». В этом отношении в международном уголовном праве применительно к преступлениям против человечности существует серьезный пробел, поскольку в отличие от геноцида и военных преступлений первые не являются предметом какого-либо глобального договора.

Прежде всего необходимо заметить, что концепция «преступлений против человечности» в международном праве как в содержательном, так и в не менее важном, терминологическом, аспекте восходит своими корнями к Преамбуле II Гагской конвенции о законах и обычаях сухопутной войны 1899 г. и IV Конвенции 1907 г., содержащих знаменитую оговорку выдающегося российского ученого и дипломата Ф. Ф. Мартенса, ссылающуюся на *законы человечности (laws of humanity)*⁴.

national Crimes: Selected Pertinent Issues. Heidelberg, 2008. P. 3–5; *Jurdi N.* The International Criminal Court and National Courts: A Contentious Relationship. Burlington, 2011. P. 263; *Bergsmo M., Ling C. W.* Placing Old Evidence and Core International Crimes on the Agenda of the International Discourse on International Criminal Justice for Atrocities // Old Evidence and Core International Crimes / ed. by M. Bergsmo, C. W. Ling. Beijing, 2012. P. 1–8; *Bassiouni C.* Introduction to International Criminal Law. Leiden, 2012. P. 137–148; *Pocar F., Carter L.* The Challenge of Shaping Procedures in International Criminal Courts // International Criminal Procedure: The Interface of Civil Law and Common Law Legal Systems / ed. by F. Pocar, L. Carter. Cheltenham, 2013. P. 1.

² *Guifoyle D.* International Criminal Law. Oxford, 2016. P. 237.

³ *Nollkaemper A.* Systematic Effects of International Responsibility for International Crimes // Santa Clara Journal of International Law. 2010. Vol. 8, N 1. P. 313.

⁴ Согласно п. 8 Преамбулы Конвенции 1907 г. предусматривалось: «Впредь до того времени как представится возможность издать более полный свод законов войны, Высокие Договаривающиеся Стороны считают уместным засвидетельствовать, что в случаях, не предусмотренных принятыми ими постановлениями, население и воюющие остаются под охраной и действием начал международного права, поскольку они вытекают из установившихся начал между образованными народами обычаев, *законов человечности* и требований общественного сознания» (см. подробнее: *Hwang P.* Defining Crimes against Humanity in the Rome Statute of International Criminal Court // Fordham Journal of International Law. 1998. Vol. 22, N 2. P. 458–459; *Robinson D.* Defining Crimes Against Humanity in the Rome Conference // American Journal of International Law. 1999. Vol. 93, N 1. P. 43; *Meron T.* The Martens Clause, Principles of Humanity, and Dictates of Public Conscience // American Journal of International Law. 2000. Vol. 94, N 1. P. 78–89; *Лукашук И. И.* Международное право: Особенная часть. М., 2010. С. 320; *Salter M.* Reinterpreting Competing Interpretations of the Scope and Potential of Martens Clause // Journal of Conflict and Security Law. 2012. Vol. 17, N 3. P. 403; *Trindade A.* Some Reflections on the Principle of Humanity in its Wide Dimension // Research Handbook on Human Rights and Hu-

Версальский мирный договор, подписанный в январе 1919 г., не сохранил упоминания о «преступлениях против человечности», хотя согласно ст. 228 договора Германия признавала право союзников и правительств ассоциированных стран привлечь к военным судам лиц, обвиняемых в нарушении законов и обычаев войны. Несмотря на то что отмеченный термин не нашел отражения в тексте указанного Договора, в Докладе Комиссии об ответственности и наказании виновников войны⁵ (*Report of the Commission on the Responsibilities of the Authors of War and on Enforcement of Penalties for Violations of the Laws and Customs of War*) широко использовалась терминология, содержащая прямые ссылки на категорию «человечность»⁶, которая охватывала слова «законы человечности» (*laws of humanity*), «преступления против законов человечности» (*offences against the laws of humanity*), «нарушения законов человечности» (*breach of laws of humanity*). В частности, призвав учредить международный суд (*“High Tribunal”*) для уголовного преследования военных преступников, Комиссия определила две категории преступных деяний, на которые могла бы распространяться юрисдикция данного органа: а) действия, спровоцировавшие мировую войну; б) нарушения законов и обычаев войны и *законов человечности*. Относительно применимого права Трибунала Комиссия указала, что оно должно включать «принципы права наций, вытекающие из обычаев, установленных между цивилизованными народами, из *законов человечности* и требований общественного сознания». Применительно к индивидуальной уголовной ответственности Комиссия пришла к заключению, что «все лица, принадлежащие к неприятельским государствам независимо от того, какую бы высокую позицию они ни занимали, без различия их ранга, включая глав государств, которые были виновны в преступлениях против законов и обычаев войны или *законов человечности*, подлежат уголовному преследованию»⁷.

Однако представители некоторых государств выступили против терминологии, охватывающей понятие *человечности*, в результате чего оно не нашло отражения в упомянутом выше Версальском договоре. В частности, это было сделано по настоянию членов Комиссии от США, возглавляемых Государственным секретарем Робертом Лэнсингом (*Robert Lansing*) и ученым-международником Джеймсом Брауном Скоттом (*James Brown Scott*), выступивших с несопадающим меморандумом об оговорках⁸, ис-

manitarian Law / ed. by R. Kolb, G. Gaggioli. Cheltenham, 2013. P. 191; *Giladi R.* The Enactment of Irony Reflections on the Origin of the Martens Clause // *European Journal of International Law*. 2014. Vol. 25, N 3. P. 848).

⁵ В состав Комиссии входили по два представителя от США, Британской Империи, Италии, Франции, Японии и по одному представителю от Бельгии, Греции, Польши, Румынии, Сербии.

⁶ Commission on the Responsibilities of the Authors of War and on Enforcement of Penalties for Violations of the Laws and Customs of War // *American Journal of International Law*. 1920. Vol. 14, N 1–2. P. 95–154; *McCormack T.* From Sun Tzu to the Six Committee: The Evolution of an International Criminal Law Regime // *The Law of War Crimes: National and International Approaches* / ed. by T. McCormack, G. Simpson. The Hague, 1997. P. 45–48.

⁷ *Kalshoven F.* Reflection of the Law of War: Collected Essays. Leiden, 2007. P. 934–935.

⁸ “Memorandum of Reservations, presented by the Representatives of the United States to the Report of the Commission on Responsibilities, 4th April, 1919,” contained in Annex II to

ходившим из того, что в тот момент не имелось правового определения содержания «законов человечности», которые базировались на естественном праве, не представлявшем собой части международного права⁹. Позиция США была поддержана и представителями Японии¹⁰.

Таким образом, вплоть до 1945 г. в договорном праве только в Преамбуле двух вышеупомянутых Гаагских конвенций использовались слова, содержащие ссылки на категорию *человечности*¹¹. Это ничуть не преуменьшало бесспорного значения «оговорки Мартенса», которая, по выражению проф. Антонио Кассези, начиная с 1907 г. явилась важнейшей поворотной точкой истории международного гуманитарного права¹². В своем несопадающем мнении при вынесении Международным судом Консультативного заключения относительно законности угрозы ядерным оружием или его применения судья Мухамед Шахабуддин отметил, что «оговорка Мартенса стала основой для трактовки принципов человечности [*principles of humanity*] и требований общественного сознания в качестве принципов международного права, оставив определение конкретного содержания стандарта, подразумеваемого этими принципами международного права в зависимости от изменения условий, включая изменения в средствах и методах ведения войны и в характере взглядов и степени толерантности международного сообщества... Основная роль оговорки состояла в том, чтобы исключить всякие сомнения в наличии принципов международного права, которые в субсидиарном порядке, но при непрерывном действии регулировали поведение субъектов в военное время с помощью отсылки к «принципам гуманности и... требованиям общественного сознания»¹³.

the Report of the Majority of the Commission on Responsibilities (см. об этом: *Ntoubandi F.* Amnesty for Crimes against Humanity under International Law. Leiden, 2007. P. 45; *Cassese A.* International Criminal Law. Oxford, 2007. P. 101–102; *Schwebel E.* Crimes against Humanity // Perspectives on the Nuremberg Trial / ed. by G. Mettarux. Oxford, 2008. P. 123–124; *Levis M.* The Birth of the New Justice: The Internationalization of Crime and Punishment, 1919–1950. Oxford, 2014. P. 40–45).

⁹ *Bassiouni C.* Crimes Against Humanity: Historical Evolution and Contemporary Application. Cambridge, 2011. P. 89.

¹⁰ *Darcy S.* Collective Responsibility and Accountability under International Law. Leiden, 2007. P. 297–298.

¹¹ *Bassiouni C.* Crimes Against Humanity: Historical Evolution and Contemporary Application. P. 86.

¹² *Cassese A.* The Martens Clause: Half a Loaf or Simply Pie in the Sky? // European Journal of International Law. 2000. Vol. 11, N 1. P. 188. — См. также: *Meron T.* The Humanitarianization of International Law. Leiden, 2006. 16–19; *Schmitt M.* Military Necessity and Humanity in International Humanitarian Law: Preserving the Delicate Balance // Virginia Journal of International Law. 2010. Vol. 50, N 4. P. 798–801; *Van Den Boogaard J.* Fighting by the Principles: Principles as a Source of International Humanitarian Law // Armed Conflict and International Law: In Search of Human Face / ed. by M. Matthee, B. Toebes, M. Brus. The Hague, 2013. P. 17–20; *Dinstein Y.* The Principle of Proportionality // Searching of a “Principle of Humanity” in International Humanitarian Law / ed. by K. Mujezinovic-Larsen, C. Cooper, G. Nystuen. Cambridge, 2013. P. 72.

¹³ *Stephenst D.* Human Rights and Armed Conflict — The Advisory Opinion of the International Court of Justice // Yale Human Rights and Development Law Journal. 2001. Vol. 4, N 1. P. 15–17; *Мелешников А. В.* К вопросу о допустимости применения ядерного оружия (по материалам Консультативного заключения Международного суда ООН) // Вестник

В судебном решении по делу Круппа, на которое сослался судья Шах-бурдин, Военный трибунал США в Нюрнберге заявил, что «она [оговорка Мартенса] — нечто больше, чем благое пожелание. Это общее положение, превращающее обычаи, установившиеся во взаимоотношениях между цивилизованными нациями, законы гуманности и веления общественного сознания в правовое мерило, которое следует применять там и тогда, где и когда конкретные положения Конвенции... не охватывают конкретные случаи, имеющие место во время ведения военных действий или связанные с последними»¹⁴. Оговорка Мартенса нашла впоследствии столь широкое признание в международном праве, что была включена в целый ряд важнейших международно-правовых инструментов, и, в частности, в Дополнительные протоколы I и II 1977 г. к Женевским конвенциям, Конвенцию о запрещении или ограничении применения конкретных видов обычного оружия от 10 декабря 1980 г. Например, современный вариант клаузулы можно найти в п. 2 ст. 1 Дополнительного протокола I, где указано, что в случаях, не предусмотренных настоящим Протоколом или другими международными соглашениями, гражданские лица и комбатанты остаются под защитой и в сфере действия принципов международного права, проистекающих из установившихся обычаев, из принципов человечности (*principles of humanity*) и из требований общественного сознания. Аналогичное положение предусматривает и п. 4 Преамбулы Дополнительного протокола II¹⁵.

Более того, в Консультативном заключении Международного суда ООН относительно законности угрозы ядерным оружием или его применением от 8 июля 1996 г. было подтверждено, что оговорка Мартенса является нормой обычного права и поэтому обладает нормативным статусом, регулируя действия государств, когда отсутствуют соответствующие

Нижегородского университета им. Н. И. Лобачевского. 2011. № 4. С. 256–268; *Lipin T.* On the Legality of Development Nuclear Weapons // *National Taiwan University Law Review*. 2011. Vol. 6, N 2. P. 537–538; *Fleck D.* State Responsibility Consequences of Termination of or Withdrawal from Non-Proliferation Treaties // *Non-Proliferation Laws as a Special Regime: a Contribution to Fragmentation Theory in International Law* / ed. by D. Joyner, M. Roscini. Cambridge, 2013. P. 258–261; *Trindade A.* International Law for Humankind: Towards a New *Jus Gentium*. 2nd rev. ed. Leiden, 2013. P. 420–423; *Thirlway H.* The Sources of International Law. Oxford, 2014. P. 187; *Carpanelli E.* General Principles of International Law: Struggling with a Slippery Concept // *General Principles of Law — The Role of Judiciary* / ed. by L. Pineschi. Heidelberg, 2015. P. 135–136.

¹⁴ *Meron T.* The Martens Clause, Principles of Humanity, and Dictates of Public Conscience // *American Journal of International Law*. 2000. Vol. 94, N 1. P. 81; *Arai-Takahashi Y.* The Law of Occupation: Continuity and Change of International Humanitarian Law, and Its Interaction with International Human Rights Law. Leiden, 2009. P. 81; *Kreß C.* The International Court of Justice and the Law of Armed Conflict // *The Development of International Law by the International Court of Justice* / ed. by C. Tams, J. Sloan. Oxford, 2013. P. 285; *Akerson D.* The Illegality of Offensive Lethal Autonomy // *International Humanitarian Law and the Changing Technology of War* / ed. by D. Saxon. Leiden, 2013. P. 95–96; *Brollowski H.* Military Robots and the Principle of Humanity: Distorting the Human Face of the Law? // *Armed Conflict and International Law: In Search of Human Face* / ed. by M. Matthee, B. Toebes, M. Brus. The Hague, 2013. P. 70–72; *Darcy S.* Judges, Law and War: The Judicial Development of International Humanitarian Law. Cambridge, 2014. P. 159.

¹⁵ *Oberleitner G.* Human Rights in Armed Conflict. Oxford, 2015. P. 33.

конкретные нормы¹⁶. Что же касается введения в международно-правовой оборот современной концепции «преступлений против человечности», то она датируется периодом окончания Второй мировой войны, когда со стороны четырех союзных держав (СССР, Великобритании, США и Франции) 8 августа 1945 г. было подписано Лондонское соглашение, к которому прилагался Устав Международного уголовного трибунала для судебного преследования и наказания главных военных преступников европейских стран «оси»¹⁷. Именно в этом Уставе было дано нормативно-правовое определение категории «преступлений против человечности». Согласно п. «С» ст. 6 предусматривалось, что Трибунал, учрежденный в соответствии с Соглашением, упомянутым в ст. 1 настоящего Устава, имеет право судить и наказывать лиц, которые индивидуально или в качестве членов организации совершили преступления против человечности: убийства, истребление, порабощение, ссылку и другие жестокости, совершенные в отношении гражданского населения до или во время войны, или преследования по политическим, расовым или религиозным мотивам в целях осуществления или в связи с любым преступлением, подлежащим юрисдикции Трибунала, независимо от того, являлись ли эти действия нарушением внутреннего права страны, где они были совершены, или нет¹⁸. При ознакомлении со ст. 6 («с») Устава Нюрнбергского трибунала может создаться впечатление, что преступления против человечности не обусловлены наличием войны. Однако заключительная часть указанной статьи показывает, что в тот момент преступления против человечности рассматривались только в связи со ст. 6 («а»), признававшей преступным подготовку и развязывание агрессии. Судебное постановление, вынесенное в Нюрнберге, не оставляет никаких сомнений на этот счет¹⁹. Интересно отметить, что на Лондонской конференции судья Роберт Джексон (*Robert Jackson*), один из четырех главных обвинителей, который представлял США на Нюрнбергском процессе, предложил использовать термин «преступления против человечности» вместо терминов «преследование», «жестокость» и «депортация», пояснив, что данная идея была предложена выдающимся специалистом в области международного права Хершем Лаутерпахтом (*Hersch Lauterpacht*)²⁰.

Закон № 10 Союзного контрольного совета для Германии (ЗСКС), принятый 10 декабря 1945 г., также содержал — отчасти дополненную и существенно измененную — концепцию преступлений против человек-

¹⁶ Шетай В. Вклад Международного суда в международное гуманитарное право // Международный журнал Красного Креста. 2003. С. 115. — См. подробнее: Smis S., Van der Borgh K. The Advisory Opinion on the Legality of the Threat or Use of Nuclear Weapons // Georgia Journal of International & Comparative Law. 1999. Vol. 27, N 2. P. 345–387.

¹⁷ Clark R. History of Efforts to Codify Crimes Against Humanity: From the Charter of Nuremberg to the Statute of Rome // Forging a Convention for Crimes Against Humanity / ed. by L. N. Sadat. Cambridge, 2011. P. 8.

¹⁸ Agbor A. Instigation to Crimes against Humanity: The Flawed Jurisprudence of the Trial and Appeal Chambers of the International Tribunal for Rwanda (ICTR). Leiden, 2013. P. 91.

¹⁹ Давид Э. Принципы права вооруженных конфликтов. М., 2000. С. 539.

²⁰ Luban D. A Theory of Crimes against Humanity // Yale Journal of International Law. 2004. Vol. 29, N 1. P. 86; Schabas W. The International Criminal Court: A Commentary. Oxford, 2017. P. 139–140.

ности: в то время как уставы Нюрнбергского и Токийского трибуналов устанавливали, что преступления против человечности должны находиться в связи с агрессивной войной или военными преступлениями, это дополнительное условие было опущено в тексте указанного закона²¹. Таким образом, в тексте ЗСКС № 10 требование *nexus* (связи) между войной и преступлениями против человечности не представляло собой отличительного элемента последних²².

В соответствии со ст. II (п. «с») ЗСКС рассматриваемая категория международных преступлений охватывала «злодеяния и преступления, в том числе убийства, истребление, порабощение, депортации, лишение свободы, пытки, изнасилование, а также другие бесчеловечные действия по отношению к гражданскому населению или преследование по политическим, расовым либо религиозным соображениям, вне зависимости от того, являлись ли эти действия нарушением внутреннего права государства, где они были совершены, или нет, и другие преступления»²³.

Обращают на себя внимание следующие отличия ст. II (п. «с») от ст. 6 (п. «с») Устава Нюрнбергского трибунала: 1) выражение «злодеяния и преступления, в том числе... и другие преступления» — в ЗСКС список злодеяний и преступлений являлся открытым перечнем, в то время как в ст. 6 (п. «с») подобный перечень имел закрытый характер; 2) перечень злодеяний и преступлений был дополнен «лишением свободы», «пытками» и «изнасилованием»; 3) была устранена обязательная связь между конкретными преступлениями, перечисленными в ст. II (п. «с»), и преступлениями против мира и военными преступлениями; и 4) в ЗСКС отсутствовали слова «до и после войны».

Таким образом, интерпретируя ЗСКС, трибуналы не были связаны узким толкованием, вытекающим из судебной практики Нюрнбергских процессов. Например, по делу *Einsatzgruppen* Трибунал заявил, что он больше не ограничен ни требованием *nexus*, т. е. наличия связи между преступлениями против человечности и войной, ни национальной принадлежностью жертвы или обвиняемого, ни местом, где были совершены преступления. При этом было подчеркнуто, что отсутствие соответствующего требования в ст. II (п. «с») означает, что «данный Трибунал обладает юрисдикцией по рассмотрению дел о всех преступлениях против человечности, как они определяются и понимаются в течение длительного времени в свете общих принципов уголовного права»²⁴. Аналогичный подход был продемонстри-

²¹ Werle G., Jessberger F. Principles of International Criminal Law. Cambridge, 2014. P. 329.

²² Maogoto J. The Work of National Military Tribunals under Control Council Law 10 // The Legal Regime of the International Criminal Court: Essays in Honour of Professor Igor Blishchenko / ed. by J. Doria, H.-P. Gasser, C. Basiouni. Leiden, 2009. P. 58.

²³ Kirsch S. Der Begehungszusammenhang der Verbrechen gegen die Menschlichkeit. Frankfurt, 2009. S. 48; Agbor A. A Reflection on the Phrase “Widespread or Systematic” as Part of the Definition of Crimes against Humanity // Shielding Humanity: Essays in International Law in Honour of Judge Abdul G. Koroma / ed. by Jalloh, O. Elias. Leiden, 2015. P. 355–356.

²⁴ Roberge M.-C. Jurisdiction of the ad hoc Tribunals for the Former Yugoslavia and Rwanda over Crimes against Humanity and Genocide // International Review of the Red Cross.

рован и в *Justice Case*, в котором, в частности, отмечалось, что ЗСКС № 10 в материальном смысле отличается от Устава (Нюрнбергского трибунала). Отвергнув требование связи с вооруженным конфликтом, предусмотренное в ст. 6 (п. «с» ч. 1) Устава Нюрнбергского трибунала, указал, что в ЗСКС № 10 *nexus* условие было «преднамеренно опущено» из содержания ст. II (п. «с»), в связи с чем указанный Закон не предусматривает, чтобы довоенные зверства и преследования были совершены во исполнение военных преступлений или преступлений против мира или в связи с ними. Тем самым Трибунал отверг утверждения подсудимых о том, что преследование за преступления против человечности, имевшие место в мирное время, нарушает принцип запрета ретроактивного применения уголовного закона²⁵.

Категория «преступления против человечности», с учетом исключительного характера ущерба, причиняемого охраняемым международным правом интересам, и необходимости адекватной правовой реакции со стороны международного сообщества, была включена уже в первоначальный проект Кодекса преступлений против мира и безопасности человечества, подготовленного Специальным докладчиком Комиссии международного права ООН Жаном Спиропулосом (*Jean Spiropoulos*) в 1950 г.²⁶

В Проекте указанного кодекса, принятом Комиссией международного права ООН (далее — КМП) в 1996 г. во втором чтении, преступлениям против человечности была посвящена ст. 18, которая опиралась на определение соответствующих преступлений, содержащихся в Уставе Нюрнбергского военного трибунала в его толковании и применении этим трибуналом, с учетом новых моментов, появившихся в международном праве после Нюрнбергского процесса. Согласно Проекту кодекса, преступление против человечности означает любое из следующих деяний, когда они совершаются систематически или в широких масштабах и инспирируются или направляются правительством или любой организацией или группой: а) убийство; б) истребление; в) пытка; г) порабощение; д) преследование по политическим, расовым, религиозным или этническим мотивам; е) институционализируемая дискриминация по расовому, этническому или религиозным признакам, включающая нарушение основных прав и свобод и приводящая к серьезному ущемлению части населения; г) про-

1997. Vol. 37. Special Issue N 321. P. 655. — Об этом деле см.: *Earl H.* The Nuremberg SS-Einsatzgruppen Trial. 1945–1948: Atrocity, Law, and History. Cambridge, 2010. P. 217–264; *Solis G.* The Law of Armed Conflict: International Humanitarian Law in War. Cambridge, 2010. P. 547–549; *Heller K.* The Nuremberg Military Tribunals and the Origins of International Criminal Law. Oxford, 2011. P. 71–74; *Sato H.* The Execution of Illegal Orders and International Criminal Responsibility. Heidelberg, 2011. P. 79–83; *Bassiouni C.* Introduction to International Criminal Law. P. 445–446; *Van Sliedregt E.* Individual Criminal Responsibility in International Law. Oxford, 2102. P. 251–252; *Timmermann W.* Incitement in International Law. New York, 2015. P. 165.

²⁵ *Heller K. J.* The Nuremberg Military Tribunals and the Origins of International Criminal Law. P. 236.

²⁶ Задача подготовки Кодекса преступлений против мира и безопасности человечества была возложена на Комиссию международного права в 1947 г. в соответствии с резолюцией Генеральной ассамблеи ООН № 177 (II). Комиссия приступила к рассмотрению Проекта в 1949 г., назначив специальным докладчиком Жана Спиропулоса.

извольная депортация или принудительное перемещение населения; h) произвольное заключение; i) насильственное исчезновение лица; j) изнасилования, принуждение к проституции и другие формы сексуального надругательства; k) другие бесчеловечные деяния, наносящие серьезный ущерб физической или психической неприкосновенности, здоровью или человеческому достоинству, такие как нанесение увечий и причинение телесных повреждений²⁷. В Комментариях к Проекту кодекса отмечалось, что определение преступлений против человечности, содержащееся в ст. 18, взято из Устава Нюрнбергского трибунала в его толковании и применении этим трибуналом с учетом новых моментов, появившихся в международном праве после Нюрнбергского процесса. Однако в тексте статьи было опущено выражение о соответствующих преступлениях, «совершенных против гражданского населения», содержащееся в ст. 6 (п. «с») Устава Нюрнбергского трибунала. Это тем более удивительно, что в уставах, учрежденных согласно резолюции Совета Безопасности ООН № 827 от 25 мая 1993 и № 955 от 8 ноября 1994 г. Международными уголовными трибуналами *ad hoc* по бывшей Югославии (далее — Устав МУТБЮ) и Руанде (далее — Устав МУТР), содержались прямые ссылки на соответствующие преступления, направленные «против любого гражданского населения» (Устав МУТБЮ) либо совершаемые в «рамках широкомасштабного или систематического нападения на гражданское население» (Устав МУТР). Иными словами, к тому моменту, когда в 1996 г. Комиссия международного права ООН приняла во втором чтении Проект кодекса преступлений против мира и безопасности человечества, в международном праве уже имелись соответствующие договорные источники, которые при определении «преступлений против человечности» содержали ссылки на «гражданское население». Более того, согласно ст. 48 (Основная норма) Дополнительного протокола I к Женевским конвенциям 1949 г. предусматривается, что для обеспечения уважения и защиты гражданского населения и гражданских объектов стороны, находящиеся в конфликте, должны всегда проводить различие между гражданским населением и комбатантами, а также между гражданскими объектами и военными объектами и соответственно направлять свои действия только против военных объектов. В соответствии со ст. 51 («Защита гражданского населения») указанного Дополнительного протокола устанавливается, что гражданское население и отдельные гражданские лица пользуются общей защитой от опасностей, возникающих в связи с военными операциями (ч. 1); гражданское население как таковое, а также отдельные гражданские лица не должны являться объектом нападений. Запрещаются акты насилия или угрозы насилием, имеющие основной целью терроризировать гражданское население (ч. 2); гражданские лица пользуются защитой, предусмотренной настоящим Разделом (имеется в виду Раздел I «Общая защита от последствий военных дей-

²⁷ Allain J., Jones J. R. W. D. A Patchwork of Norms: A Commentary on the 1996 Draft Code of Crimes Against Peace and Security of Mankind // European Journal of International Law. 1997. Vol. 1, N 1. P. 112; Ortega M. The ILC Adopts the Draft Code of Crimes against the Peace and Security of Mankind // Max Planck Yearbook of UN Law. 1997, N 1. P. 296–297.

ствий» Части IV «Гражданское население»), за исключением случаев и на такой период, пока они принимают непосредственное участие в военных действиях (ч. 3). К нападениям неизбирательного характера относятся: а) нападения, которые не направлены на конкретные военные объекты; б) нападения, при которых применяются методы или средства ведения военных действий, которые не могут быть направлены на конкретные военные объекты; или с) нападения, при которых применяются методы или средства ведения военных действий, последствия которых не могут быть ограничены, как это требуется в соответствии с настоящим Протоколом, и которые, таким образом, в каждом таком случае поражают военные объекты и гражданских лиц или гражданские объекты без различия (ч. 4). Дополнительный протокол II, касающийся защиты жертв немеждународных вооруженных конфликтов, в ст. 13 предусматривает аналогичную общую защиту гражданских лиц. Помимо этого, общая для Женевских конвенций 1949 г. ст. 3 (ч. 1) предусматривает, что лица, которые непосредственно не принимают участия в военных действиях, включая тех лиц из состава вооруженных сил, которые сложили оружие, а также тех, которые перестали принимать участие в военных действиях вследствие болезни, ранения, задержания или по любой другой причине, должны при всех обстоятельствах пользоваться гуманным обращением без всякой дискриминации по причинам расы, цвета кожи, религии или веры, пола, происхождения или имущественного положения или любых других аналогичных критериев. Хотя в уставах МУТБЮ и МУТР «нападение на любое гражданское население» не было сформулировано в качестве отдельного преступления, тем не менее оно представляло собой общий контекстный элемент любого их действий, составляющих «преступление против человечности». Однако этот существенный момент выпал из фокуса внимания разработчиков определения соответствующей категории деяний в Проекте кодекса преступлений против мира и безопасности человечества.

Нормативно-правовое развитие концепции «преступлений против человечности» после окончания Второй мировой войны было связано с учреждением международных уголовных трибуналов *ad hoc* по бывшей Югославии и Руанде. В Уставе МУТБЮ (ст. 5) впервые была дана международно-правовая формулировка преступлений против человечности, в соответствии с которой международный трибунал был полномочен осуществлять судебное преследование лиц, ответственных за следующие преступления, когда они совершаются в ходе вооруженного конфликта, будь то конфликт международного или внутреннего характера, и направлены против любого гражданского населения: а) убийство; б) истребление; с) порабощение; d) депортация; е) заключение в тюрьму; f) пытки; g) изнасилование; h) преследование по политическим, расовым или религиозным мотивам; i) другие бесчеловечные акты²⁸. Как видно из данного опре-

²⁸ *Blewitt G. The International Criminal Tribunals for the Former Yugoslavia and Rwanda // Justice for Crimes against Humanity / ed. by M. Lattimer, P. Sands. Oxford and Portland, Oregon, 2004. P. 156.*

деления, юрисдикция Устава МУТБЮ была ограничена преступлениями против человечности, совершенными в ходе вооруженного конфликта, будь то конфликт международного или внутреннего характера. При этом ссылка на характер конфликта в ст. 5 являлась отражением связи с событиями на территории бывшей Югославии и не означала применения каких-либо критериев, которые ранее использовались в международном уголовном праве, что нашло подтверждение в прецедентной практике Устава МУТБЮ.

В отличие от ситуации с Уставом МУТБЮ, принятый позднее Устав МУТР не связывал преступления против человечности с вооруженным конфликтом, хотя и предусматривал в качестве юрисдикционного условия для их преследования дискриминационный умысел, указывая в ст. 3 на соответствующие преступления, совершаемые в рамках *широкомасштабного или систематического нападения на гражданское население по национальным, политическим, этническим, расовым или религиозным мотивам*²⁹. Указанные разночтения объясняются ситуационной природой основных правовых актов уголовных трибуналов *ad hoc*. Указывая в ст. 5 на то, что преступление должно быть совершено «в ходе вооруженного конфликта, будь то конфликт международного или внутреннего характера», Устав МУТБЮ просто проводил связь в пространстве и во времени с югославским конфликтом. Данная норма ни в коем случае не означала повторного введения в оборот дополнительного условия, которое содержалось в Уставе Нюрнбергского трибунала и от которого давно отказались. Что же касается юрисдикционного условия в ст. 3 Устава МУТР, то данное положение должно рассматриваться не в качестве условия, ограничивающего определение преступления, а в качестве средства, ограничивающего юрисдикцию Трибунала именно такими преступлениями против человечности, которые являлись типичными для ситуации в Руанде³⁰.

Преступления против человечности в качестве одной из категорий уголовно наказуемых деяний были также включены в юрисдикцию Специального суда по Сьерра-Леоне, учрежденного во исполнение Резолюции Совета Безопасности ООН № 1315 (2000) от 14 августа 2000 г. и в соответствии с двусторонним договором от 16 января 2002 г. между Правительством Сьерра-Леоне и ООН. Согласно Уставу Специального суда, он полномочен осуществлять судебное преследование лиц, ответственных за следующие преступления, когда они совершаются в рамках широкомасштабного или систематического нападения на любое гражданское население: а) убийство; б) истребление; в) порабощение; д) депортация; е) заключение в тюрьму; ф) пытки; г) изнасилование, обращение в сексу-

²⁹ См. подробнее: Judicial Creativity at the International Criminal Tribunals / ed. by S. Darcy, J. Powderly. Oxford, 2010; The Legacy of the International Criminal Tribunal for the Former Yugoslavia / ed. by B. Swart B., A. Zahar, G. Sluiter. Oxford, 2011; *Shahabuddeen M.* International Criminal Justice at the Yugoslav Tribunal: A Judge's Recollection. Oxford, 2012.

³⁰ *Верле Г.* Принципы международного уголовного права. М., 2011. С. 395. — См. подробнее: *Van den Herik L.* The Contribution of the Rwanda Tribunal to the Development of International Law. Leiden, 2005. P. 158–159, 175–176; *Agbor A.* Instigation to Crimes against Humanity: The Flawed Jurisprudence of the Trial and Appeal Chambers of the International Tribunal for Rwanda (ICTR). P. 83–119.

альное рабство, принуждение к проституции, принудительная беременность и любые другие формы сексуального насилия; h) преследование по политическим, расовым, этническим или религиозным мотивам; i) другие бесчеловечные деяния³¹.

Наказание за преступления против человечности предусматривает также Закон об учреждении чрезвычайных палат в судах Камбоджи для преследования преступлений, совершенных в период Демократической Кампучии, от 27 октября 2004 г. Согласно ст. 5 указанного Закона преступления против человечности, на которые не распространяются сроки давности, означают любые деяния, которые совершаются в рамках широкомасштабного или систематического нападения, непосредственно направленного на любое гражданское население по национальным, политическим, этническим, расовым или религиозным основаниям, такие как убийство, истребление, порабощение, депортация, заключение в тюрьму, пытки, изнасилование, преследования по политическим, расовым и религиозным мотивам, другие бесчеловечные деяния³².

Рассматриваемая категория уголовно наказуемых деяний была включена и в юрисдикцию Специальных палат по тяжким преступлениям в Восточном Тиморе, создание которого было инициировано согласно постановлению № 2000/15 Временной администрации ООН в 2000 г. В компетенцию Специальных палат входило рассмотрение дел о геноциде, преступлениях против человечности, военных преступлениях, сексуальных преступлениях, пытках, имевших место в период с 1 января по 25 октября 1999 г. В соответствии с разделом 6 указанного постановления преступления против человечности означают следующие деяния, которые совершаются в рамках широкомасштабного или систематического нападения, непосредственно направленного на любое гражданское население, если такое нападение совершается умышленно: а) убийство; б) истребление; с) порабощение; d) депортация; е) заключение в тюрьму или другое жестокое лишение физической свободы в нарушение основополагающих норм международного

³¹ *Frulli M.* The Special Court for Sierra Leone: Some Preliminary Comments // *European Journal of International Law*. 2000. Vol. 11, N 4. P. 863–864; *Schocken C.* The Special Court for Sierra Leone: Overview and Recommendations // *Berkeley Journal of International Law*. 2002. Vol. 20, N 2. P. 448; *Beigbeder Y.* International Justice Against Impunity: Progress and New Challenges. Leiden, 2005. P. 117–118; *Schabas W.* The UN International Criminal Tribunals: The Former Yugoslavia, Rwanda and Sierra Leone. Cambridge, 2006. P. 34–40; *C. da Silva.* The Hybrid Experience of the Special Court for Sierra Leone // *Research Handbook on International Criminal Law* / ed. by B. Brown. Cheltenham, 2011. P. 237–239; *Knoops G.-J.* An Introduction to the Law of International Criminal Tribunals: A Comparative Study. Leiden, 2014. P. 14–15; *Jalloh C.* Introduction // *The Sierra Leone Special Court and Its Legacy: The Impact for Africa and International Criminal Law* / ed. by C. Jalloh. Cambridge, 2015. P. 9–15.

³² Закон об учреждении чрезвычайных палат в судах Камбоджи для преследования преступлений, совершенных в период Демократической Кампучии, от 27 октября 2004 г. URL: http://www.eccc.gov.kh/sites/default/files/legal-documents/KR_Law_as_amended_27_Oct_2004_Eng.pdf (дата обращения: 18.07.2016). — См.: *Williams S.* Hybrid and Internationalized Criminal Tribunals: Selected Jurisdictional Issues. Oxford and Portland, Oregon, 2012. P. 128–132; *Vianney-Liaud M.* Determining the Relationship Between International and Domestic Laws Within an Internationalized Court: An Example From the Cambodian Extraordinary Chambers' Jurisdiction Over International and Domestic Crimes // *Goettingen Journal of International Law*. 2014. Vol. 6, N 2. P. 314–316.

права; f) пытки; g) изнасилование, обращение в сексуальное рабство, принуждение к проституции, принудительная беременность, насильственная стерилизация или любая другая форма сексуального насилия сравнимой тяжести; h) преследование любой идентифицируемой группы или общины по политическим, расовым, национальным, этническим, культурным, религиозным, гендерным либо другим основаниям, универсально признанным недопустимыми согласно международному праву в связи с любым деянием, предусмотренным в данном пункте, либо любым преступлением, подпадающим под юрисдикцию настоящих палат; i) насильственное исчезновение лиц; j) преступление апартеида; k) другие бесчеловечные деяния подобного характера.

Несмотря на то что преступления против человечности фигурировали в уставах различных международных судебных учреждений, первым международно-правовым договорным инструментом универсального характера, в котором была осуществлена полномасштабная и всесторонняя кодификация данной категории международных преступлений, явился Римский статут Международного уголовного суда (далее — МУС), содержащий наиболее полное и емкое определение преступлений против человечности.

Уже в самом начале переговоров в Подготовительном комитете было очевидно, что большинство государств не будут принимать узкую трактовку преступлений против человечности, содержащуюся в ст. 5 Устава МУТБЮ. В результате была принята формулировка, охватывающая 11 видов действий, подпадающих под категорию преступлений против человечности, и, в частности, таких как убийство, истребление, порабощение, депортация, пытки, насильственное исчезновение людей и т. д.³³

Определения и система преступлений против человечности не относятся к числу нововведений Римского статута, а опирались на развитие международного гуманитарного права в пост-Нюрнбергский период. Согласно ст. 7 Римского статута применительно к его целям «преступление против человечности» означает любое из следующих деяний, когда они совершаются в рамках широкомасштабного или систематического нападения на любое гражданское население, и если такое нападение совершается умышленно: а) убийство; б) истребление; в) порабощение; г) депортация или насильственное перемещение населения; д) заключение в тюрьму или другое жестокое лишение физической свободы в нарушение основополагающих норм международного права; е) пытки; ж) изнасилование, обращение в сексуальное рабство, принуждение к проституции, принудительная беременность, принудительная стерилизация или любые другие формы сексуального насилия сопоставимой тяжести; з) преследование любой идентифицируемой группы или общности по политическим, расовым, национальным, этническим, культурным, религиозным, гендерным, как это определяется в п. 3, или другим мотивам, которые повсеместно признаны

³³ См. подробнее: *Meseke S.* Der Tatbestand der Verbrechen gegen die Menschlichkeit nach dem Römischen Statut des Internationalen Strafgerichtshofes: einevölkerstrafrechtliche Analyse. Berlin, 2005; *Schabas W.* An Introduction to the International Criminal Court. Cambridge, 2017.

недопустимыми согласно международному праву, в связи с любыми деяниями, указанными в данном пункте, или любыми преступлениями, подпадающими под юрисдикцию Суда; i) насильственное исчезновение людей; j) преступление апартеида; k) другие бесчеловечные деяния аналогичного характера, заключающиеся в умышленном причинении сильных страданий или серьезных телесных повреждений или серьезного ущерба психическому или физическому здоровью.

Итак, категория «преступлений против человечности» представляет собой логическое развитие концепции международных преступлений, опирающееся на предшествующие достижения международного уголовного права. Например, истребление, предусмотренное в п. «b» ч. 2 ст. 7 Римского статута, охватывалось ст. 6 (п. «с») Нюрнбергского устава, п. «с» ч. 1 ст. II ЗСКС № 10, п. «b» ст. 5 Устава Международного военного трибунала для Дальнего Востока (Токийский трибунал), п. «b» ст. 5 Устава МУТБЮ, п. «b» ст. 3 Устава МУТР. Порабощение как уголовно наказуемое деяние согласно Статуту МУС (п. «с» ч. 1 ст. 7) ранее предусматривалось ст. 6 (п. «с») Нюрнбергского устава, п. «с» ч. 1 ст. II ЗСКС № 10, п. «с» ст. 5 Устава Токийского трибунала, п. «с» ст. 5 Устава МУТБЮ, п. «с» ст. 3 Устава МУТР. Аналогичным образом депортация (п. «d» ч. 1 ст. 7 Римского статута) ранее предусматривалась в ст. 6 (п. «с») Нюрнбергского устава, п. «с» ч. 1 ст. II ЗСКС № 10, п. «с» ст. 5 Устава Токийского трибунала, п. «d» ст. 5 Устава МУТБЮ, п. «d» ст. 3 Устава МУТР. В то же время, как показывает анализ ст. 7 Римского статута, целый ряд моментов, связанных с определением преступлений против человечности, носит инновативный характер.

В частности, хотя «депортация» ранее и рассматривалась как преступление против человечности в учредительных документах международных судебных институций, в Статуте МУС в качестве альтернативы предусматривается также «насильственное перемещение населения». При этом согласно п. «d» ч. 2 ст. 7 Статута «депортация или насильственное перемещение населения» означают насильственное перемещение лиц, подвергшихся высылению или иным принудительным действиям, из района, в котором они законно пребывают, в отсутствие оснований, допускаемых международным правом. Как отмечается в литературе, включение не только депортации, но и насильственного перемещения в ст. 7 Римского статута преследовало цель исключить всякие сомнения в том, что трансфер населения в пределах границ государства также составляет преступление против человечности³⁴.

Заключение в тюрьму как преступление, охватываемое п. «e» ч. 1 ст. 7 Римского статута, не было включено в Нюрнбергский устав, хотя и фигурировало в ст. 6 ЗСКС, п. «e» ст. 5 Устава МУТБЮ, п. «e» ст. 3 Устава МУТР. В Проекте кодекса преступлений против мира и безопасности человечества п. «h» ст. 18 предусматривал «произвольное заключение» (*arbitrary imprisonment*). Как отмечалось в Комментариях к Проекту кодекса, термин

³⁴ Ruskert W., Witschel G. Genocide and Crimes against Humanity in the Elements of Crimes // International and National Prosecution of Crimes under International Law. Current Developments / ed. by H. Fischer, C. Kress, S. Lüder S. Berlin, 2001. P. 77.

«заключение» включает лишение свободы конкретного человека, а термин «произвольное» устанавливает требование, согласно которому указанное лишение свободы должно осуществляться без соблюдения законности³⁵. Однако в Статуте МУС предусматривается не только «заключение в тюрьму (*imprisonment*)», но и «другое серьезное лишение физической свободы в нарушение основополагающих норм международного права». Основная цель указанной юридической модификации заключалась в том, чтобы избежать чрезмерно узкого толкования термина «заключение в тюрьму»³⁶.

В Римском статуте МУС юридические рамки преступлений против человечности, предусматривающих совершение уголовно наказуемых сексуальных преступлений (п. «g» ч. 1 ст. 7), наряду с изнасилованием были дополнены «обращением в сексуальное рабство, принуждением к проституции, принудительной беременностью, принудительной стерилизацией или любыми другими формами сексуального насилия сопоставимой тяжести». Подобного рода преступление до его включения в Статут МУС не предусматривал ни один учредительный документ международного судебного учреждения, хотя впоследствии данное деяние было включено в юрисдикцию Специального суда по Сьерра-Леоне и Специальных палат по тяжким преступлениям в Восточном Тиморе. Как отмечается в юридической литературе, Римский статут МУС отразил ключевое историческое развитие в уголовном преследовании сексуального насилия и гендерных преступлений в международных уголовных трибуналах³⁷. Хотя сексуальное рабство не было четко определено в соответствии с международным гуманитарным правом либо иными договорными источниками в международном праве, подразумевалось, что запрет указанного деяния как особая форма порабощения представлял собой императивную *jus cogens* норму международного обычного права³⁸. По мнению проф. А. Кассези, преступление сексуального рабства было запрещено согласно международному обычному праву³⁹.

Как отметила Судебная камера МТБЮ в деле *Prosecutor v. Dragoljub Kunarac, Radomir Kovac and Zoran Vucovic*, в момент, к которому относится обвинительный акт, порабощение как преступление против человечности в обычном международном праве состояло в осуществлении некоторых или всех полномочий, присущих праву собственности на человека⁴⁰.

³⁵ Draft Code of Crimes against the Peace and Security of Mankind with Commentaries // Yearbook of the International Law Commission. 1996. Vol. II. Part Two. P. 47.

³⁶ Kittichaisaree K. International Criminal Law. Oxford, 2001. P. 11.

³⁷ Luping D. Investigation and Prosecution of Sexual and Gender-Based Crimes before International Criminal Court // Journal of Gender, Social Policy and Law. 2009. Vol. 17, N 2. P. 452.

³⁸ Ibid.

³⁹ Cassese A. Crimes Against Humanity // The Rome Statute of International Criminal Court: A Commentary. Vol. I. Oxford, 2002. P. 353, 374–375. — См. также: *Oosterveld V. Sexual Slavery and the International Criminal Court: Advancing International Law* // Michigan Journal of International Law. 2004. Vol. 25. P. 608.

⁴⁰ ICTY The Prosecutor v. Dragoljub Kunarac, Radomir Kovac and Zoran Vucovic Trial Chamber IT-96-23/1-A, Judgment, 12 June 2002, Para. 539. URL: <http://www.icty.org/x/cases/kunarac/tjug/en/kun-tj010222e.pdf> (дата обращения: 06.07.2016).

Для того чтобы деяние подпадало под категорию преступлений против человечности, пороговое условие, или *chapeau*, ст. 7 Римского статута предусматривает четыре важнейших условия, в соответствии с которыми соответствующее действие — нападение должно: а) представлять собой часть широкомасштабных или систематических атак; б) быть направлено против гражданского населения; в) совершаться умышленно, это означает, что *mens rea* деяния охватывает осознание непосредственной направленности соответствующих действий против любого гражданского населения; г) представлять собой многократное совершение актов нападения в целях проведения политики государства или организации, направленной на совершение такого нападения, или в целях содействия такой политике.

Как следует из вышеизложенного, современная кодификация преступлений против человечности получила свое отражение в Римском статуте МУС. Однако в отличие от таких ключевых преступлений, как геноцид либо военные преступления, являющиеся предметом специфических договорных обязательств, отраженных в специальных конвенциях (Конвенция о предупреждении и наказании преступления геноцида 1948 г. и Женевские конвенции 1949 г. и Протокол I), преступления против человечности не рассматриваются в рамках правового регулирования отдельного международного договора.

Следует заметить, что крупнейшие представители доктрины международного уголовного права неоднократно выступали с идеей разработки и принятия Конвенции о преступлениях против человечности. В частности, на это указывал проф. Шериф Бассиуни⁴¹. Он отмечал, что за прошедшее столетие в ходе различных конфликтов погибло больше людей, чем за предыдущую историю человечества. Причем большинство из них стало жертвами именно преступлений против человечности. Однако, несмотря на это, международному сообществу до сих пор не удалось принять специализированную конвенцию по преступлениям против человечности⁴². Хотя в международном праве можно насчитать как минимум 12 различных определений против человечности, вместе с тем указанные дефиниции характеризуются двумя безусловно общими элементами: 1) исполнители преступления действуют в русле соответствующей государственной политики [или плана]; 2) деяния, составляющие категорию «преступлений против человечности», и, в частности, убийства, пытки, изнасилования и т. д., имеют место в рамках широкомасштабного или систематического нападения против гражданского населения⁴³. По мнению Ш. Бассиуни, одной из основных причин того, что Конвенция о преступлениях против человечности не была принята, явились опасения со стороны официальных властей государств относительно возможного уголовного преследования

⁴¹ *Bassiouni C. Crimes against Humanity: The Need for a Specialized Convention* // Columbia Journal of Transnational Law. 1994. Vol. 31. P. 457–467.

⁴² *Bassiouni C. Crimes against Humanity: The Case for a Specialized Convention* // Washington University Global studies Law Review. 2010. Vol. 9, N 4. P. 575.

⁴³ *Ibid.* P. 583.

политических лидеров, а также лиц, занимающих высокие посты в вооруженных силах, в полиции, органах разведки и т. д.⁴⁴

В числе доктринальных усилий, направленных на кодификацию рассматриваемой категории, несомненно, следует отметить инициативу за предупреждение и наказание преступлений против человечности Института мирового права им. У. Р. Харриса Вашингтонского университета. Инициатива датируется 2008 г., когда группой юристов в составе проф. Ш. Бассиуни, бывшего прокурора МУТБЮ, а впоследствии председателя Конституционного суда Южно-Африканской Республики Р. Голстоуна, проф. У. Шабаса, проф. Хуана Мендеса, бывшего юридического консультанта ООН посла Ганса Корела, судьи МУС Кристин ван ден Винджерт, возглавляемых проф. Лейлой Садат, была предпринята попытка изучения и обоснования необходимости принятия глобальной конвенции по преступлениям против человечности. В числе основных задач группы были определены анализ необходимых элементов такой конвенции, подготовка ее проекта, а также стимулирование и поддержка, необходимые для одобрения договора со стороны международного сообщества. Результатом деятельности указанной группы экспертов явился проект Международной конвенции о предотвращении и наказании преступлений против человечности, представленный в августе 2010 г. Состоящий из 27 статей с комментариями данный проект представил собой основанный на современном развитии международного уголовного права и судебной практики фундаментальный документ, являющийся существенным доктринальным подспорьем для принятия в будущем соответствующей конвенции⁴⁵. Конечно же, подобного рода фундаментальные усилия не могли остаться без внимания. Кроме того, наличие уязвимых мест в правовом механизме борьбы с международными преступлениями, вызывающими озабоченность международного сообщества в целом, было настолько очевидным, что требовало правового решения проблемы, актуальность которой не сходилась с повестки дня начиная с периода окончания Первой мировой войны.

Таким образом, с учетом необходимости устранения серьезного пробела в системе международного уголовного права, а также исходя из понимания исключительной важности предупреждения и пресечения преступлений против человечности, Комиссия международного права (КМП) ООН на 65-й сессии в 2013 г. постановила включить тему «Преступления против человечности» в свою долгосрочную программу работы⁴⁶.

⁴⁴ Ibid. P. 585.

⁴⁵ Crimes against Humanity Initiative: A Rule of Law Project of the Whitney R. Harris World Law Institute. URL: <http://law.wustl.edu/harris/crimesagainsthumanity> (дата обращения: 24.07.2016).

⁴⁶ *Murphy S.* Toward a Convention on Crimes against Humanity? // *La Revue des droits de l'homme*. 2015, N 7. P. 2–8; *Валеев Р. М.* Кодификация преступлений против человечности (к 70-летию Нюрнбергского процесса) // *Юридические науки*. 2015. № 3. С. 69; *Скуратова А. Ю.* К вопросу о принятии Конвенции о преступлениях против человечности: материалы работы Комиссии международного права ООН // *Московский журнал международного права*. 2015. № 3. С. 68.

Следует специально упомянуть, что ранее, определяя стандарты, касающиеся выбора новых тем, КМП установила, что они должны: а) отражать потребности государств в отношении прогрессивного развития и кодификации международного права; б) быть достаточно созревшими с точки зрения практики государств в отношении прогрессивного развития и кодификации; и с) должны быть конкретными и реализуемыми в целях прогрессивного развития и кодификации. Обосновывая выбор темы, касающейся преступлений против человечности, КМП подчеркнула, что в отношении п. «b» и «с» эта тема достаточно созрела с точки зрения практики государств, учитывая появление национальных законов о преступлениях против человечности в законодательстве примерно половины государств — членов Организации Объединенных Наций и значительного внимания, которое уделяется этому преступлению в последние 20 лет в учредительных документах и материалах международных уголовных трибуналов, в том числе МУС, МУТБЮ и МУТР, Специального суда по Сьерра-Леоне, особых коллегий по тяжким преступлениям в Восточном Тиморе и чрезвычайных палат в судах Камбоджи. Кроме того, разработка конвенции представляется технически реальной на данном этапе с учетом большого числа аналогичных конвенций, охватывающих другие виды преступлений. Разработка конвенции будет строиться на предыдущей работе Комиссии в этой области, включая ее доклады и исследование секретариата относительно *aut dedere aut judicare* и принятый КМП в 1996 г. во втором чтении Проект кодекса преступлений против мира и безопасности человечества, который призван содействовать, в частности, сотрудничеству между государствами в криминализации, преследовании и выдаче лиц, совершивших преступления против человечности. Что же касается требования, предусмотренного в п. «а», то государства проявляют значительный интерес к поощрению мер, которые содействуют наказанию за серьезные международные преступления, как об этом свидетельствуют создание МУС и интерес к заключению глобальных договоров, которые квалифицируют международные уголовные деяния и призывают государства предотвращать их и наказывать правонарушителей. В настоящее время большой интерес вызывает формирование национального потенциала для противодействия серьезным международным преступлениям, в особенности обеспечение эффективного функционирования принципа взаимодополняемости. В свете этих тенденций государства, возможно, пожелают принять хорошо проработанную Конвенцию о преступлениях против человечности. Кроме того, возможность разработки подобной конвенции отмечалась в последние годы многочисленными судьями и обвинителями МУС и других международных уголовных трибуналов, а также бывшими должностными лицами ООН, представителями государств и академических кругов⁴⁷. Специальным докладчиком КМП был назначен проф.

⁴⁷ Доклад Комиссии международного права ООН. Шестьдесят пятая сессия (6 мая — 7 июня и 8 июля — 9 августа 2013). С. 174–175. URL: <https://documents-dds-ny.un.org/doc/UNDOC/GEN/G13/625/03/PDF/G1362503.pdf?OpenElement> (дата обращения: 22.05.2016).

Шон Мэрфи из Университета Джорджа Вашингтона, который представил два доклада: первый — на 67-й сессии комиссии, состоявшейся 4 мая — 5 июня 2015 г.; второй — на 68-й сессии КМП, прошедшей 2 мая — 10 июня 2016 г. Учитывая, что указанные доклады вызывают существенный интерес, нам представляется весьма полезным ознакомиться с их основными положениями.

Однако, прежде всего, надо подчеркнуть, что в целом во время обсуждения в Шестом (юридическом) комитете осенью 2014 г. со стороны большинства государств была выражена полная поддержка включению данной темы в повестку КМП. Соединенное Королевство, Чили, Италия хотя не поддержали данную тематику в программе работ КМП, вместе с тем отметили наличие пробела, касающегося преступлений против человечности в договорных режимах, и полезность дополнительных исследований в данном направлении. Напротив, Румыния высказалась в том ключе, что к теме следует подходить с осторожностью. Нидерланды, Франция, Малайзия, Южная Африка заявили, что в современном международном праве нет каких-либо пробелов, связанных с преступлениями против человечности, поскольку все релевантные вопросы применительно к данной категории международных преступлений урегулированы в Римском статуте. Подобного рода разброс мнений, на наш взгляд, является закономерным, подтвержденным *travaux préparatoires* целого ряда международных договорных инструментов и вытекающим из различных подходов государств к проблеме борьбы с международными преступлениями. В частности, во время обсуждения Проекта Конвенции о предупреждении преступления геноцида 19 мая 1947 г. Франция распространила меморандум «по теме геноцида и преступлений против человечности», призывая отказаться от термина «геноцид», который был назван «бесполезным и даже опасным неологизмом». Французская сторона также предлагала определить, что уничтожение всех индивидов как членов расовых, социальных, политических или религиозных групп является преступлением против человечности⁴⁸. Во время обсуждения в Шестом комитете Проекта конвенции геноцида Соединенное Королевство вообще негативно относилось к самой идее принятия подобного международного договора, полагая необходимым передать рассмотрение проблемы в Комиссию международного права, учитывая ее текущую работу в отношении Нюрнбергских принципов и принимая во внимание тесную связь геноцида и преступлений против человечности. Ее представитель Хартли Шоукросс заявил, что геноцид уже признан в качестве преступления по действующему международному праву, что было подтверждено Нюрнбергским военным трибуналом. По его мнению, международная конвенция, которой не будут придерживаться все страны, при отсутствии некоторых государств, поставит под сомнение уже решенный вопрос и затруднит достижение цели, которая была перед

⁴⁸ Draft Convention for the Prevention and Punishment of Genocide, Secretariat Draft E/447 // The Genocide Convention: Travaux Préparatoires / ed. by H. Abtahi, P. Webb. Leiden, 2008. P. 214.

ней поставлена. Если государство решит совершить геноцид, его не будет сдерживать наличие конвенции и то обстоятельство, является ли он ее участником или нет⁴⁹. В этом отношении необходимо учесть, что подобного рода разброс мнений является неизбежным спутником процесса разработки и принятия крупномасштабных международно-правовых актов, цель которых — предупреждение и наказание наиболее одиозных нарушений прав человека, поскольку каждое государство опирается на собственное видение стратегии борьбы с международными преступлениями, исходит из своего понимания специфики договорно-проектных работ и т. д.

Возвращаясь к деятельности КМП, следует заметить, что в процессе обсуждений было отмечено, что глобальная конвенция о предупреждении, наказании и межгосударственном сотрудничестве в связи с преступлениями против человечности выступает важным отсутствующим звеном в нынешней системе международного права, особенно международного гуманитарного права, международного уголовного права и международного права в области прав человека. Такая конвенция могла бы содействовать стигматизации рассматриваемого недопустимого поведения, могла бы привлечь еще больше внимания к необходимости предотвращения подобных преступлений и обеспечения наказания за них и содействовать принятию и согласованию национальных законов, касающихся такого поведения, что открыло бы путь к более эффективному межгосударственному сотрудничеству в связи с усилиями по предупреждению, проведению расследований, уголовному преследованию и экстрадиции правонарушителей в качестве реакции на такие преступления.

Необходимость принятия специальной Конвенции о преступлениях против человечности обуславливается рядом фундаментальных факторов:

- во-первых, существует коренная потребность в установлении позитивных юридических обязательств государств по отношению к рассматриваемой категории «ключевых» международных преступлений.

Указанные позитивные обязательства могут быть классифицированы на три важные группы: 1) обязательство по осуществлению уголовного преследования и наказания преступлений против человечности; 2) обязательство по предупреждению преступлений против человечности; 3) обязательство по всестороннему и полному сотрудничеству с другими государствами в сфере борьбы с преступлениями против человечности;

- во-вторых, необходимо на конвенционном уровне закрепить дефиницию преступлений против человечности. Это будет представлять собой нормативно-правовую модель имплементации для государств, не являющихся участниками Римского статута МУС, поскольку, несмотря на важнейшее значение указанного договора, он все же носит ограниченный характер и целый ряд государств все еще не участвует в его деятельности (Российская Федерация, США, КНР, Турция, Израиль и т. д.);

⁴⁹ The Genocide Convention: Travaux Préparatoires. P. 503.

- в-третьих, представляется чрезвычайно важным зафиксировать в Конвенции возможность распространения на преступления против человечности универсальной юрисдикции. Вряд ли можно подвергнуть сомнению тот непреложный факт, что сегодня существует универсально признанная потребность преодоления безнаказанности за преступления против человечности. Всеобщее признание подобного факта логически требует коррелирующей универсальности в вопросах уголовного преследования со стороны любого государства, которое в данном случае будет выступать от имени всего международного сообщества;
- в-четвертых, в пресечении преступлений против человечности необходимо исходить из обязанности осуществлять уголовное преследование либо выдать обвиняемого запрашивающему государству, либо передавать международному уголовному трибуналу. Во время обсуждений в 2009 г. на сессии Генеральной Ассамблеи ООН делегации Венгрии, Кубы, Мексики, Ирана и Уругвая выразили мнение, что обязательство *aut dedere aut judicare* в отношении преступлений против человечности должно представлять собой юридическое обязательство. Более того, в деле *Questions relating to the Obligation to Prosecute or Extradite (Belgium v. Senegal)* со стороны Бельгии были представлены убедительные доказательства, что обязательство *aut dedere aut judicare* в отношении преступлений против человечности является нормой обычного международного права. Следует также упомянуть, что в 2011 г. Специальный докладчик З. Галицкий в своем четвертом докладе предложил проект статьи о международном обычае как источнике обязательства *aut dedere aut judicare*, который вместе с тем не получил положительной оценки ни в КМП, ни в Шестом комитете. Хотя КМП сочла нецелесообразным разрабатывать альтернативы формуле, предложенной З. Галицким, в то же время она заявила, что это не стоит толковать как указание на то, что она пришла к выводу, согласно которому обязательство выдавать либо осуществлять судебное преследование еще не стало и не становится нормой международного обычного права, будь то право общее или региональное⁵⁰;
- в-пятых, новая конвенция должна представлять собой нормативный фундамент механизма межгосударственного сотрудничества в борьбе с преступлениями против человечности, как это имеется в отношении других серьезных преступлений, вызывающих озабоченность международного сообщества. В частности, подобная конвенция определит соответствующие обязательства по расследованию, уголовному преследованию и наказанию за

⁵⁰ The Obligation to Extradite or Prosecute (aut dedere aut judicare). Final Report of the International Law Commission // Yearbook of the International Law Commission. 2014. Vol. II. Part. Two. URL: http://legal.un.org/ilc/texts/instruments/english/reports/7_6_2014.pdf (дата обращения: 23.07.2016).

рассматриваемые преступления, в том числе с использованием системы взаимной правовой помощи и экстрадиции.

Один из ключевых вопросов, которые вызвали особый интерес, заключался в соотношении будущей Конвенции с Римским статутом МУС. Поскольку целый ряд государств присоединился к Статуту нового органа международного уголовного правосудия, любые расхождения в текстах указанного документа и Конвенции, которую предстоит принять, могли создать юридический конфликт обязательств, вытекающих из указанных актов, и негативно повлиять в целом на эффективность борьбы с преступлениями против человечности. В связи с этим было подчеркнуто, что «нормы новой конвенции должны быть основаны на формулировках Римского статута, а также на соответствующих документах и судебных решениях, когда это необходимо. Однако новая конвенция не должна ни в чем противоречить Римскому статуту»⁵¹.

Во-первых, Римский статут регулирует отношения между государствами-участниками и МУС, но не регулирует отношения между самими государствами-участниками (так же, как и отношения между участниками и теми, кто не участвует в Статуте). Иными словами, Римский статут нацелен на «вертикальные» взаимоотношения между государствами и МУС, а не на «горизонтальные» взаимоотношения лишь между государствами. В ч. 9 Римского статута, озаглавленной «Международное сотрудничество и судебная помощь», указано, что межгосударственное сотрудничество за рамками Римского статута в связи с преступлениями, подпадающими под юрисдикцию МУС, должно продолжаться, однако в Статуте нет положений, регулирующих это сотрудничество. В конвенции о преступлениях против человечности можно было бы напрямую осветить вопросы сотрудничества между национальными правовыми системами государств в связи с расследованием, задержанием, уголовным преследованием и наказанием лиц, совершивших преступления против человечности, и эта цель полностью соответствует целям Римского статута⁵².

Указанная часть доклада требует некоторых разъяснений, связанных с концепцией «вертикального» и «горизонтального» сотрудничества в борьбе с преступностью, введенной в юридический оборот решением Апелляционной камеры МУТБЮ по бывшей Югославии в деле *Prosecutor v. Tihomir Blaskic*. Рассматривая данное дело, трибунал подчеркнул, что «обычно индивиды, являющиеся субъектами суверенной компетенции государств, могут быть судимы только национальными судами. Если же национальный суд намеревается преследовать лицо, подпадающее под юрисдикцию другого государства, как правило, это основывается на договорах о правовом сотрудничестве (*treaties of judicial cooperation*) либо, если подобных договоров нет, — на добровольном межгосударственном сотрудничестве (*voluntary interstate cooperation*). Таким образом, отно-

⁵¹ First Report on Crimes against Humanity: By Sean D. Murphy, Special Rapporteur. Para. 21. URL: http://legal.un.org/docs/index.asp?symbol=A/CN.4/680&referer=http://legal.un.org/ilc/guide/7_7.shtml&Lang=E (дата обращения: 18.06.2016).

⁵² Ibid. Para. 22.

шения между национальными судами различных государств являются «горизонтальными» по своей природе. В 1993 г. Совет Безопасности впервые учредил Международный уголовный суд, наделенный юрисдикцией над лицами, проживающими в суверенных государствах, будь то государства [входившие в состав] бывшей Югославии либо третьей страны, дополнительно согласившиеся с приматом Международного трибунала над национальными судами. Тем самым Устав предоставил Международному трибуналу полномочия для того, чтобы обращаться к государствам по широкому кругу судебных действий (включая опознание и установление местонахождения лиц, получение свидетельских показаний, производство по сбору доказательств, вручение документов, арест или задержание лиц и передачу либо перевод обвиняемых Международному трибуналу). Таким образом, была установлена «вертикальная» связь, по крайней мере в части, касающейся судебных полномочий Международного трибунала...»⁵³ Следует подчеркнуть, что в вопросах преследования преступлений, предусмотренных Уставами Международных уголовных трибуналов *ad hoc*, их юрисдикция превалировала над юрисдикцией национальных судов, что в свою очередь влекло установление системы сотрудничества, основанной на «вертикальных» отношениях, и обусловило дифференциацию двух самостоятельных моделей: «горизонтального» сотрудничества (*inter-state cooperation model*) и «вертикального» (*supra-state cooperation model*). Что же касается механизма сотрудничества с МУС, то он в основных своих чертах отражает специфику «вертикальной» модели сотрудничества, в отличие от «горизонтальной», когда взаимоотношения между государствами основываются на принципе суверенного равенства государств (*par in parem non habet imperium*)⁵⁴.

Во-вторых, основная цель МУС — наказать лиц, совершивших преступления, которые подпадают под его юрисдикцию, а не рекомендовать шаги, которые должны быть предприняты государствами в целях заблаговременного предупреждения таких преступлений. Новая конвенция о преступлениях против человечности могла бы включить обязательства, касающиеся предупреждения, которые основаны на аналогичных обязательствах, прописанных в других договорах, таких как Конвенция о предупреждении преступления геноцида и наказании за него и Конвенция против пыток и других жестоких, бесчеловечных или унижающих достоинство видов обращения и наказания. Сама по себе конвенция о преступлениях против человечности могла бы уточнить обязательство того или иного государства предупреждать преступления против человечности и могла бы заложить основу для обеспечения подотчетности государств в этой области.

⁵³ *Prosecutor v. Tihomir Blaskic*. Judgment on the Request of the Republic of Croatia for Review of the Decision of Trial Chamber II of 18 July 1997. Para. 47.

⁵⁴ Подробный анализ различных концепций сотрудничества см.: Сафаров Н. А.: 1) Экстрадиция в международном уголовном праве: проблемы теории и практики. М., 2005. С. 285–300; 2) Сотрудничество в области уголовного правосудия: «горизонтальная» и «вертикальная» модели // Международное уголовное правосудие: современные проблемы / под ред. Г. И. Богуша, Е. Н. Трикоз. М., 2009. С. 431–445.

В-третьих, следует иметь в виду, что МУС является одним из главных международных учреждений, предназначенных для уголовного преследования высокопоставленных лиц, которые совершили данные преступления, но такой Суд не создавался (и у него нет для этого ресурсов) для уголовного преследования всех лиц, которые несут ответственность за преступления против человечности. Деятельность Суда базируется на той посылке, что национальные правовые системы являются надлежащей первой инстанцией для обеспечения уголовного преследования в случае, если имеется соответствующее национальное законодательство (принцип комплементарности). Кроме того, в некоторых обстоятельствах Суд может пожелать передать подозреваемого, находящегося в его распоряжении, для продолжения его уголовного преследования в рамках национальной правовой системы, но он может оказаться не в состоянии сделать это, если национальная правовая система не может предъявить подозреваемому обвинение в совершении преступлений против человечности. Поскольку Суд не имеет возможности обеспечить уголовное преследование всех лиц, которые несут ответственность за преступления против человечности, или укрепить национальные правовые системы с этой целью, новая конвенция могла бы усилить Суд благодаря укреплению национального потенциала в целях обеспечения предупреждения таких преступлений и наказания за них.

В-четвертых, следует отметить, что конвенция о преступлениях против человечности будет содержать требование о принятии национальных законов, которые криминализируют преступления против человечности. К настоящему времени не все государства, в том числе государства — участники Римского статута, сделали это. После присоединения к данной конвенции государства, не имеющие таких законов, должны будут принять их. Государства, в которых такие законы есть, будут обязаны сделать их обзор с целью определить, охватывают ли они все виды тяжких преступлений, предусмотренных указанной конвенцией, и позволяют ли они осуществлять свою юрисдикцию в отношении правонарушителей. Таким образом, хорошо продуманная конвенция о преступлениях против человечности не будет вступать в противоречие с другими договорными режимами, но могла бы заполнить пробел в существующих договорных режимах.

Результатом работы КМП на 67-й сессии после изучения доклада специального докладчика явилось принятие в предварительном порядке редакционным комитетом проектов статей будущей Конвенции: ст. 1 — Сфера охвата; ст. 2 — Общее обязательство; ст. 3 — Определение преступлений против человечности; ст. 4 — Обязательство предотвращения.

Второй доклад о преступлениях против человечности специального докладчика был представлен в 2016 г. и охватил следующие вопросы: принятие национальных законов, определяющих преступления, которые относятся к преступлениям против человечности; установление национальной юрисдикции в целях рассмотрения дел о таких преступлениях; расследование и сотрудничество в целях установления предполагаемых

преступников; осуществление национальной юрисдикции, когда предполагаемый преступник находится на территории того или иного государства; передача предполагаемого преступника для судебного преследования либо выдачи или предоставления в распоряжение (*aut dedere aut judicare*); справедливое обращение с предполагаемым преступником на всех этапах судопроизводства.

Итогом второго доклада явилось представление еще шести статей будущей Конвенции: ст. 5 — Криминализация согласно национальному законодательству; ст. 6 — Установление национальной юрисдикции; ст. 7 — Общее расследование и сотрудничество в целях выявления предполагаемых преступников; ст. 8 — Осуществление национальной юрисдикции в условиях пребывания предполагаемого преступника; ст. 9 — *Aut dedere aut judicare*; ст. 10 — Справедливое обращение с предполагаемым преступником.

Кроме того, на 68-й сессии (3341-е заседание от 9 августа 2016 г.) КМП приняла комментарии к проектам статей, рассмотренных в предварительном порядке на ее текущей сессии.

Рамки настоящей статьи не позволяют осуществить подробный анализ проекта Конвенции, однако даже предварительное ознакомление с текстами предложенных статей наглядно демонстрирует, что они отражают современное развитие международного уголовного права, позволяющее надеяться, что принятие нового договора о предупреждении и наказании преступлений против человечности представит собой серьезный шаг в направлении преодоления безнаказанности за международные преступления в глобальном масштабе. Ниже приводятся проекты статей в официальном переводе на русский язык.

ПРИЛОЖЕНИЕ⁵⁵

Предлагаемые проекты статей

Проект статьи 1. Предупреждение преступлений против человечности и наказание за них

1. Каждое государство-участник подтверждает, что преступления против человечности, независимо от того, совершаются ли они в мирное или военное время, являются преступлениями по международному праву, которые оно обязуется предупреждать и за совершение которых оно обязуется наказывать.

2. Каждое государство-участник принимает эффективные законодательные, административные, судебные и другие меры для предупреждения преступлений против человечности на любой территории под его юрисдикцией.

⁵⁵ United Nations. Report of the International Law Commission. Sixty-eighth session. (2 May — 10 June and 4 July — 12 August 2016). URL: http://legal.un.org/docs/index.asp?path=../ilc/reports/2016/english/a_71_10.pdf&lang=EFSRAC&referer=http://legal.un.org/ilc/reports/2016/ (дата обращения: 23.10.2016).

3. Никакие исключительные обстоятельства, какими бы они ни были, будь то состояние войны или угроза войны, внутренняя политическая нестабильность или любое другое чрезвычайное положение, не могут служить оправданием преступлений против человечности.

Проект статьи 2. Определение преступлений против человечности

1. Для целей настоящего проекта статей «преступление против человечности» означает любое из следующих деяний, когда они совершаются в рамках широкомасштабного или систематического нападения на любых гражданских лиц, и если такое нападение совершается сознательно: а) убийство; б) истребление; в) порабощение; г) депортация или насильственное перемещение населения; е) заключение в тюрьму или другое жестокое лишение физической свободы в нарушение основополагающих норм международного права; ф) пытки; г) изнасилование, обращение в сексуальное рабство, принуждение к проституции, принудительная беременность, принудительная стерилизация или любые другие формы сексуального насилия сопоставимой тяжести; h) преследование любой идентифицируемой группы или общности по политическим, расовым, национальным, этническим, культурным, религиозным, гендерным, как это определяется в пункте 3, или другим мотивам, которые повсеместно признаны недопустимыми согласно международному праву, в связи с любыми деяниями, указанными в настоящем пункте, или в связи с актами геноцида или военных преступлений; i) насильственное исчезновение людей; j) преступление апартеида; к) другие бесчеловечные деяния аналогичного характера, заключающиеся в умышленном причинении сильных страданий или серьезных телесных повреждений, или серьезного ущерба психическому или физическому здоровью.

2. Для целей пункта 1: а) «нападение на любых гражданских лиц» означает линию поведения, включающую многократное совершение актов, указанных в пункте 1, против любых гражданских лиц, предпринимаемых в целях проведения политики государства или организации, направленной на совершение такого нападения, или в целях содействия такой политике; б) «истребление» включает умышленное создание условий жизни, в частности лишение доступа к продуктам питания и лекарствам, рассчитанных на то, чтобы уничтожить часть населения; в) «порабощение» означает осуществление любого или всех правомочий, связанных с правом собственности в отношении личности, и включает в себя осуществление таких правомочий в ходе торговли людьми, и в частности женщинами и детьми; г) «депортация или насильственное перемещение населения» означает насильственное перемещение лиц, подвергшихся выселению или иным принудительным действиям, из района, в котором они законно пребывают, в отсутствие оснований, допускаемых международным правом; е) «пытки» означает умышленное причинение сильной боли или страданий, будь то физических или психических, лицу, находящемуся под стражей или под контролем обвиняемого; но пытками не считаются боль или страдания, которые возникают лишь в результате законных санкций, неотделимы от

этих санкций или вызываются ими случайно; f) «принудительная беременность» означает незаконное лишение свободы какой-либо женщины, которая стала беременной в принудительном порядке, с целью изменения этнического состава какого-либо населения или совершения иных серьезных нарушений международного права. Это определение ни в коем случае не истолковывается как затрагивающее национальное законодательство, касающееся беременности; g) «преследование» означает умышленное и серьезное лишение основных прав вопреки международному праву по признаку принадлежности к какой-либо группе или общности; h) «преступление апартеида» означает бесчеловечные действия, аналогичные по своему характеру тем, которые указаны в пункте 1, совершаемые в контексте институционализированного режима систематического угнетения и господства одной расовой группы над другой расовой группой или группами и совершаемые с целью сохранения такого режима; i) «насильственное исчезновение людей» означает арест, задержание или похищение людей государством или политической организацией или с их разрешения, при их поддержке или с их согласия, при последующем отказе признать такое лишение свободы или сообщить о судьбе или местонахождении.

Проект статьи 5. Криминализация согласно национальному законодательству

1. Каждое государство принимает необходимые меры для обеспечения того, чтобы нижеследующие деяния были преступлениями согласно его уголовному праву: совершение преступления против человечности; покушение на совершение такого преступления; и отдача приказа, предложение, побуждение, пособничество, подстрекательство или содействие либо способствование иным образом совершению или покушению на совершение такого преступления.

2. Каждое государство также принимает необходимые меры для обеспечения того, чтобы нижеследующие деяния были преступлениями согласно его уголовному праву: а) военный командир или лицо, эффективно действующее в качестве военного командира, подлежит уголовной ответственности за преступления против человечности, совершенные силами, находящимися под его эффективным командованием и контролем либо, в зависимости от обстоятельств, под его эффективной властью и контролем, в результате неосуществления им контроля надлежащим образом над такими силами, когда: i) такой военный командир или такое лицо либо знало, либо, в сложившихся на тот момент обстоятельствах, должно было знать, что эти силы совершали или намеревались совершить такие преступления; и ii) такой военный командир или такое лицо не приняло всех необходимых и разумных мер в рамках его полномочий для предотвращения или пресечения их совершения либо для передачи данного вопроса в компетентные органы для расследования и уголовного преследования; б) применительно к отношениям начальника и подчиненного, не описанным в пункте (а), начальник подлежит уголовной ответственности за преступления против человечности, совершенные подчиненными,

находящимися под его эффективной властью и контролем, в результате неосуществления им контроля надлежащим образом над такими подчиненными, когда: i) начальник либо знал, либо сознательно проигнорировал информацию, которая явно указывала на то, что подчиненные совершали или намеревались совершить такие преступления; ii) преступления затрагивали деятельность, подпадающую под эффективную ответственность и контроль начальника; и iii) начальник не принял всех необходимых и разумных мер в рамках его полномочий для предотвращения или пресечения их совершения либо для передачи данного вопроса в компетентные органы для расследования и уголовного преследования.

3. Каждое государство принимает также необходимые меры для обеспечения того, чтобы: а) тот факт, что преступление, о котором идет речь в настоящем проекте статьи, было совершено по приказу начальника, будь то военного или гражданского, не являлось основанием для исключения уголовной ответственности подчиненного; б) в отношении преступления, о котором идет речь в настоящем проекте статьи, не устанавливается никакой срок давности; и с) в отношении преступления, о котором идет речь в настоящем проекте статьи, устанавливаются соответствующие наказания, учитывающие их тяжкий характер.

Проект статьи 6. Установление национальной юрисдикции

1. Каждое государство принимает необходимые меры для установления его юрисдикции в отношении преступлений, указанных в пунктах 1 и 2 проекта статьи 5, когда: а) преступление совершено на любой территории, находящейся под его юрисдикцией или под его контролем, либо на борту морского или воздушного судна, зарегистрированного в данном государстве; б) предполагаемый преступник является одним из его граждан; и с) жертва является одним из его граждан, и данное государство считает это целесообразным.

2. Каждое государство также принимает необходимые меры для установления его юрисдикции в отношении преступлений, указанных в пунктах 1 и 2 проекта статьи 5, когда предполагаемый преступник находится на любой территории под его юрисдикцией или его контролем, если только оно не выдает или не передает это лицо в соответствии с пунктом 1 проекта статьи 9.

3. Без ущерба для применимых норм международного права настоящий проект статьи не исключает возможности установления государством другой уголовной юрисдикции в соответствии с его национальным законодательством.

Проект статьи 7. Общее расследование и сотрудничество в целях выявления предполагаемых преступников

1. Каждое государство обеспечивает, чтобы его компетентные органы проводили быстрое и беспристрастное расследование, когда имеются основания полагать, что преступление против человечности было совершено

или совершается на любой территории, находящейся под его юрисдикцией или контролем.

2. Если государство определяет, что преступление против человечности совершается или совершено, государство сообщает, по мере целесообразности, общие результаты этого расследования любому другому государству, когда есть основания полагать, что граждане этого другого государства участвовали или участвуют в этом преступлении. Вслед за этим это другое государство проводит быстрое и беспристрастное расследование данного дела.

3. Все государства сотрудничают, по мере целесообразности, в деле установления личности и места нахождения лиц, которые, возможно, совершили преступление, упомянутое в пунктах 1 или 2 проекта статьи 5.

Проект статьи 8. Осуществление национальной юрисдикции в условиях пребывания предполагаемого преступника

1. Если то или иное государство достает или получает информацию, указывающую на то, что какое-либо лицо, находящееся на территории под его юрисдикцией или контролем, возможно, совершило преступление, упомянутое в пунктах 1 или 2 проекта статьи 5, это государство незамедлительно проводит предварительное расследование для установления соответствующих фактов в отношении этого лица.

2. Если обстоятельства требуют этого, государство заключает это лицо под стражу или принимает такие другие законные меры, которые необходимы для обеспечения его присутствия при расследовании и в ходе уголовного разбирательства и процедуры выдачи или передачи в распоряжение. Содержание под стражей и другие законные меры должны быть такими, какие предусмотрены в законодательстве этого государства, но они должны соответствовать нормам международного права и применяться только в течение такого времени, которое считается разумным.

3. Государство уведомляет государства, упомянутые в пункте 1 проекта статьи 6, об общих результатах своего предварительного расследования, об обстоятельствах, оправдывающих любое содержание под стражей, и о том, намеревается ли оно представить это дело своим компетентным властям для целей уголовного преследования.

Проект статьи 9. *Aut dedere aut judicare*

1. Если лицо, предположительно совершившее преступление, упоминаемое в пунктах 1 и 2 проекта статьи 5, обнаружено на любой территории под юрисдикцией или контролем того или иного государства, это государство передает дело своим компетентным властям в целях судебного преследования, если только оно не выдает или не передает это лицо другому государству или компетентному международному уголовному трибуналу.

2. Если государство передает дело своим компетентным властям в целях судебного преследования, эти власти решают, возбуждать ли и как

возбуждать судебное преследование, таким же образом, как и в случае любого обычного преступления серьезного характера в соответствии с законодательством этого государства.

Проект статьи 10. Справедливое обращение с предполагаемым преступником

1. Любому лицу, в отношении которого принимаются законные меры в связи с преступлением, упомянутым в пунктах 1 и 2 проекта статьи 5, обеспечиваются на всех этапах производства справедливое обращение, включая справедливое судебное разбирательство, и полная защита его прав в соответствии с применимыми нормами национального и международного права, включая право прав человека.

2. Любому такому лицу, взятому под стражу государством, которое не является его государством гражданства: а) разрешается безотлагательно связаться с ближайшим соответствующим представителем государства или государств, гражданином которого или которых такое лицо является или которое или которые в силу иных оснований правомочны защищать права этого лица, либо, если оно является лицом без гражданства, государства, которое согласно защищать его права по его просьбе; б) разрешается иметь право на посещение представителем этого государства или этих государств; и с) безотлагательно предоставляется информация о его правах в соответствии с настоящим подпунктом.

3. Для целей настоящего проекта статей понимается, что термин «гендерный» в контексте общества относится к обоим полам, мужскому и женскому. Термин «гендерный» не имеет какого-либо иного значения, отличного от вышеупомянутого.

Литература

Валеев Р. М. Кодификация преступлений против человечности (к 70-летию Нюрнбергского процесса) // Юридические науки. 2015. № 3. С. 69–74.

Верле Г. Принципы международного уголовного права. М.: Транслит, 2011. 912 с.

Давид Э. Принципы права вооруженных конфликтов. М.: Изд. Международного комитета Красного Креста, 2000. 1144 с.

Лукашук И. И. Международное право: Особенная часть. М.: Волтерс Клувер, 2010. 544 с.

Мелешников А. В. К вопросу о допустимости применения ядерного оружия (по материалам Консультативного заключения Международного суда ООН) // Вестник Нижегородского университета им. Н. И. Лобачевского. 2011. № 4. С. 265–268.

Сафаров Н. А. Экстрадиция в международном уголовном праве: проблемы теории и практики. М.: Волтерс Клувер, 2005. 416 с.

Сафаров Н. А. Сотрудничество в области уголовного правосудия: «горизонтальная» и «вертикальная» модели // Международное уголовное правосудие: современные проблемы / под ред. Г. И. Богуша, Е. Н. Трикоз. М.: Институт права и публичной политики, 2009. С. 429–443.

Скуратова А. Ю. К вопросу о принятии Конвенции о преступлениях против человечности: материалы работы Комиссии международного права ООН // Московский журнал международного права. 2015. № 3. С. 58–75.

Шетай В. Вклад Международного суда в международное гуманитарное право // Международный журнал Красного Креста. 2003. № 849. С. 89–128.

Agbor A. Instigation to Crimes against Humanity: The Flawed Jurisprudence of the Trial and Appeal Chambers of the International Tribunal for Rwanda (ICTR). Leiden, 2013. 230 p.

Agbor A. A Reflection on the Phrase “Widespread or Systematic” as Part of the Definition of Crimes against Humanity // *Shielding Humanity: Essays in International Law in Honour of Judge Abdul G. Koroma* / ed. by Jalloh, O. Elias. Leiden, 2015. P. 352–378.

Allain J., Jones J. R. W. D. A Patchwork of Norms: A Commentary on the 1996 Draft Code of Crimes Against Peace and Security of Mankind // *European Journal of International Law*. 1997. Vol. 1, N 1. P. 100–117.

Akerson D. The Illegality of Offensive Lethal Autonomy // *International Humanitarian Law and the Changing Technology of War* / ed. by D. Saxon. Leiden, 2013. P. 65–98.

Arai-Takahashi Y. The Law of Occupation: Continuity and Change of International Humanitarian Law, and Its Interaction with International Human Rights Law. Leiden, 2009. 758 p.

Bassiouni C. “Crimes against Humanity”: The Need for a Specialized Convention // *Columbia Journal of Transnational Law*. 1994. Vol. 31, N 3. P. 457–494.

Bassiouni C. Crimes against Humanity: The Case for a Specialized Convention // *Washington University Global studies Law Review*. 2010. Vol. 9, N 4. P. 575–593.

Bassiouni C. *Crimes Against Humanity: Historical Evolution and Contemporary Application*. Cambridge, 2011. 819 p.

Bassiouni C. Introduction to International Criminal Law. Leiden, 2012. 1101 p.

Beigbeder Y. *International Justice Against Impunity: Progress and New Challenges*. Leiden, 2005. 247 p.

Bergsmo M., Ling C. W. Placing Old Evidence and Core International Crimes on the Agenda of the International Discourse on International Criminal Justice for Atrocities // *Old Evidence and Core International Crimes* / ed. by M. Bergsmo, C. W. Ling. Beijing, 2012. P. 1–8.

Blewitt G. The International Criminal Tribunals for the Former Yugoslavia and Rwanda // *Justice for Crimes against Humanity* / ed. by M. Lattimer, P. Sands. Oxford and Portland, Oregon, 2004. P. 128–145.

Brollowski H. Military Robots and the Principle of Humanity: Distorting the Human Face of the Law? // *Armed Conflict and International Law: In Search of Human Face* / ed. by M. Matthee, B. Toebes, M. Brus. The Hague, 2013. P. 53–96.

Carpanelli E. General Principles of International Law: Struggling with a Slippery Concept // *General Principles of Law — The Role of Judiciary* / ed. by L. Pineschi. Heidelberg, 2015. P. 125–144.

Cassese A. The Martens Clause: Half a Loaf or Simply Pie in the Sky? // *European Journal of International Law*. 2000. Vol. 11, N 1. P. 187–216.

Cassese A. Crimes against Humanity // *The Rome Statute of International Criminal Court: A Commentary*. Vol. I. Oxford, 2002. P. 353–375.

Cassese A. *International Criminal Law*. Oxford, 2007. 445 p.

Clark R. History of Efforts to Codify Crimes Against Humanity: From the Charter of Nuremberg to the Statute of Rome // *Forging a Convention for Crimes Against Humanity* / ed. by L. N. Sadat. Cambridge, 2011. P. 8–27.

Commission on the Responsibilities of the Authors of War and on Enforcement of Penalties for Violations of the Laws and Customs of War // *American Journal of International Law*. 1920. Vol. 14, N 1–2. P. 95–128.

Crimes against Humanity Initiative: A Rule of Law Project of the Whitney R. Harris World Law Institute. URL: <http://law.wustl.edu/harris/crimesagainsthumanity> (дата обращения: 24.07.2016).

Damgaard C. Individual Criminal Responsibility for Core International Crimes: Selected Pertinent Issues. Heidelberg, 2008. 456 p.

Darcy S. Collective Responsibility and Accountability under International Law. Leiden, 2007. 424 p.

Darcy S. Judges, Law and War: The Judicial Development of International Humanitarian Law. Cambridge, 2014. 362 p.

Dinstein Y. The Principle of Proportionality // Searching of a “Principle of Humanity” in International Humanitarian Law / ed. by K. Mujezinovic-Larsen, C. Cooper, G. Nystuen. Cambridge, 2013. P. 72–85.

Draft Code of Crimes against the Peace and Security of Mankind with Commentaries // Yearbook of the International Law Commission. 1996. Vol. II. Part Two. P. 17–56.

Earl H. The Nuremberg SS-Einsatzgruppen Trial. 1945–1948: Atrocity, Law, and History. Cambridge, 2010. 336 p.

Fleck D. State Responsibility Consequences of Termination of or Withdrawal from Non-Proliferation Treaties // Non-Proliferation Laws as a Special Regime: a Contribution to Fragmentation Theory in International Law / ed. by D. Joyner, M. Roscini. Cambridge, 2013. P. 250–269.

First Report on Crimes against Humanity: By Sean D. Murphy, Special Rapporteur. Para. 21. URL: http://legal.un.org/docs/index.asp?symbol=A/CN.4/680&referer=http://legal.un.org/ilc/guide/7_7.shtml&Lang=E (дата обращения: 18.06.2016).

Forms of Responsibility in International Criminal Law / ed. by G. Boas, J. Bishoff, N. Reid. Cambridge: Cambridge University Press, 2007. 430 p.

Frulli M. The Special Court for Sierra Leone: Some Preliminary Comments // European Journal of International Law. 2000. Vol. 11, N 4. P. 857–869.

Giladi R. The Enactment of Irony Reflections on the Origin of the Martens Clause // European Journal of International Law. 2014. Vol. 25, N 3. P. 847–869.

Guifoyle D. International Criminal Law. Oxford: Oxford University Press, 2016. 472 p.

Heller K. The Nuremberg Military Tribunals and the Origins of International Criminal Law. Oxford, 2011. 536 p.

Hwang P. Defining Crimes Against Humanity in the Rome Statute of International Criminal Court // Fordham Journal of International Law. 1998. Vol. 22, N 2. P. 457–504.

Jalloh C. Introduction // The Sierra Leone Special Court and Its Legacy: The Impact for Africa and International Criminal Law / ed. by C. Jalloh. Cambridge, 2015. P. 1–22.

Judicial Creativity at the International Criminal Tribunals / ed. by S. Darcy, J. Powderly. Oxford, 2010. 391 p.

Jurdi N. The International Criminal Court and National Courts: A Contentious Relationship. Burlington, 2011. 322 p.

Kalshoven F. Reflection of the Law of War: Collected Essays. Leiden, 2007. 1118 p.

Kirsch S. Der Begehungszusammenhang der Verbrechen gegen die Menschlichkeit. Frankfurt, 2009. 176 s.

Kittichaisaree K. International Criminal Law. Oxford, 2001. 482 p.

Knoops G.-J. An Introduction to the Law of International Criminal Tribunals: A Comparative Study. Leiden, 2014. 378 p.

Kreß C. The International Court of Justice and the Law of Armed Conflict // The Development of International Law by the International Court of Justice / ed. by C. Tams, J. Sloan. Oxford, 2013. P. 263–300.

Levis M. The Birth of the New Justice: The Internationalization of Crime and Punishment, 1919–1950. Oxford, 2014. 346 p.

- Lipin T.* On the Legality of Development Nuclear Weapons // National Taiwan University Law Review. 2011. Vol. 6, N 2. P. 521–580.
- Luban D.* A Theory of Crimes against Humanity // Yale Journal of International Law. 2004. Vol. 29, N 1. P. 85–167.
- Luping D.* Investigation and Prosecution of Sexual and Gender-Based Crimes Before International Criminal Court // Journal of Gender, Social Policy and Law. 2009. Vol. 17, N 2. P. 431–496.
- Maogoto J.* The Work of National Military Tribunals under Control Council Law 10 // The Legal Regime of the International Criminal Court: Essays in Honour of Professor Igor Blishchenko / ed. by J. Doria, H.-P. Gasser, C. Basiouni. Leiden, 2009.
- McCormack T.* From Sun Tzu to the Six Committee: The Evolution of an International Criminal Law Regime // The Law of War Crimes: National and International Approaches / ed. by T. McCormack, G. Simpson. The Hague, 1997. P. 31–64.
- Meron T.* The Martens Clause, Principles of Humanity, and Dictates of Public Conscience // American Journal of International Law. 2000. Vol. 94, N 1. P. 78–89.
- Meron T.* The Humanitarization of International Law. Leiden, 2006. 552 p.
- Meseke S.* Der Tatbestand der Verbrechen gegen die Menschlichkeit nach dem Römischen Statut des Internationalen Strafgerichtshofes: Eine völkerstrafrechtliche Analyse. Berlin, 2005.
- Murphy S.* Toward a Convention on Crimes against Humanity? // La Revue des droits de l'homme. 2015, N 7. P. 1–10.
- Nollkaemper A.* Systematic Effects of International Responsibility for International Crimes // Santa Clara Journal of International Law. 2010. Vol. 8, N 1. P. 313–352.
- Ntoubandi F.* Amnesty for Crimes against Humanity under International Law. Leiden, 2007. 252 p.
- Oberleitner G.* Human Rights in Armed Conflict. Oxford, 2015. 412 p.
- Oosterveld V.* Sexual Slavery and the International Criminal Court: Advancing International Law // Michigan Journal of International Law. 2004. Vol. 25, N 3. P. 605–651.
- Ortega M.* The ILC Adopts the Draft Code of Crimes against the Peace and Security of Mankind // Max Planck Yearbook of UN Law. 1997, N 1. P. 285–386.
- Pocar F., Carter L.* The Challenge of Shaping Procedures in International Criminal Courts // International Criminal Procedure: The Interface of Civil Law and Common Law Legal Systems / ed. by F. Pocar, L. Carter. Cheltenham, 2013. P. 1–33.
- Roberge M.-C.* Jurisdiction of the ad hoc Tribunals for the Former Yugoslavia and Rwanda over Crimes against Humanity and Genocide // International Review of the Red Cross. 1997. Vol. 37. Special Issue N 321. P. 651–664.
- Robinson D.* Defining Crimes Against Humanity in the Rome Conference // American Journal of International Law. 1999. Vol. 93, N 1. P. 43–57.
- Salter M.* Reinterpreting Competing Interpretations of the Scope and Potential of Martens Clause // Journal of Conflict and Security Law. 2012. Vol. 17, N 3. P. 403–437.
- Schwelb E.* Crimes against Humanity // Perspectives on the Nuremberg Trial / ed. by G. Mettarux. Oxford, 2008. P. 120–166.
- Schmitt M.* Military Necessity and Humanity in International Humanitarian Law: Preserving the Delicate Balance // Virginia Journal of International Law. 2010. Vol. 50, N 4. P. 795–839.
- Stephenst D.* Human Rights and Armed Conflict — The Advisory Opinion of the International Court of Justice // Yale Human Rights and Development Law Journal. 2001. Vol. 4, N 1. P. 1–24.
- Smis S., Van der Borgh K.* The Advisory Opinion on the Legality of the Threat or Use of Nuclear Weapons // Georgia Journal of International & Comparative Law. 1999. Vol. 27, N 2. P. 345–387.

- Sato H.* The Execution of Illegal Orders and International Criminal Responsibility. Heidelberg, 2011. 175 p.
- Shahabuddeen M.* International Criminal Justice at the Yugoslav Tribunal: A Judge's Recollection. Oxford, 2012. 264 p.
- Schabas W.* The UN International Criminal Tribunals: The Former Yugoslavia, Rwanda and Sierra Leone. Cambridge, 2006. 678 p.
- Schabas W.* The International Criminal Court: A Commentary. Oxford, 2017. 1589 p.
- Schabas W.* An Introduction to the International Criminal Court. Cambridge, 2017. 577 p.
- Schocken C.* The Special Court for Sierra Leone: Overview and Recommendations // Berkeley Journal of International Law. 2002. Vol. 20, N 2. P. 436–461.
- Silva Da C.* The Hybrid Experience of the Special Court for Sierra Leone // Research Handbook on International Criminal Law / ed. by B. Brown. Cheltenham, 2011. P. 232–260.
- Solis G.* The Law of Armed Conflict: International Humanitarian Law in War. Cambridge, 2010. 864 p.
- Trindade A.* Some Reflections on the Principle of Humanity in its Wide Dimension // Research Handbook on Human Rights and Humanitarian Law / ed. by R. Kolb, G. Gaggioli. Cheltenham, 2013. P. 188–197.
- The Genocide Convention: Travaux Préparatoires / ed. by H. Abtahi, P. Webb. Leiden, 2008. 2132 p.
- The Obligation to Extradite or Prosecute (aut dedere aut judicare). Final Report of the International Law Commission // Yearbook of the International Law Commission. 2014. Vol. II. Part Two. URL: http://legal.un.org/ilc/texts/instruments/english/reports/7_6_2014.pdf (дата обращения: 23.07.2016).
- The Legacy of the International Criminal Tribunal for the Former Yugoslavia / ed. by Swart B., Zahar A., Sluiter G. Oxford, 2011. 550 p.
- Trindade A.* International Law for Humankind: Towards a New Jus Gentium. 2nd rev. ed. Leiden, 2013. 726 p.
- Thirlway H.* The Sources of International Law. Oxford, 2014. 239 p.
- Timmermann W.* Incitement in International Law. New York, 2015. 279 p.
- Werle G., Jessberger F.* Principles of International Criminal Law. Cambridge, 2014. 676 p.
- Williams S.* Hybrid and Internationalized Criminal Tribunals: Selected Jurisdictional Issues. Oxford and Portland, Oregon, 2012. 470 p.
- Van Den Boogaard J.* Fighting by the Principles: Principles as a Source of International Humanitarian Law // Armed Conflict and International Law: In Search of Human Face / ed. by M. Matthee, B. Toebe, M. Brus. The Hague, 2013. P. 3–32.
- Van den Herik L.* The Contribution of the Rwanda Tribunal to the Development of International Law. Leiden, 2005. 324 p.
- Van Sliedregt E.* Individual Criminal Responsibility in International Law. Oxford, 2102. 376 p.
- Vianney-Liaud M.* Determining the Relationship between International and Domestic Laws within an Internationalized Court: An Example From the Cambodian Extraordinary Chambers' Jurisdiction Over International and Domestic Crimes // Goettingen Journal of International Law. 2014. Vol. 6, N 2. P. 303–326.

References

- Agbor A. A Reflection on the Phrase “Widespread or Systematic” as Part of the Definition of Crimes against Humanity. *Shielding Humanity: Essays in International Law in Honour of Judge Abdul G. Koroma*. Eds. Jalloh, O. Elias. Leiden, 2015, pp. 352–378.

Agbor A. *Instigation to Crimes against Humanity: The Flawed Jurisprudence of the Trial and Appeal Chambers of the International Tribunal for Rwanda (ICTR)*. Leiden, 2013. 230 p.

Akerson D. The Illegality of Offensive Lethal Autonomy. *International Humanitarian Law and the Changing Technology of War*. Ed. by D. Saxon. Leiden, 2013, pp. 65–98.

Allain J., Jones J. R. W. D. A Patchwork of Norms: A Commentary on the 1996 Draft Code of Crimes Against Peace and Security of Mankind. *European Journal of International Law*, 1997, vol. 1, no. 1, pp. 100–117.

Arai-Takahashi Y. *The Law of Occupation: Continuity and Change of International Humanitarian Law, and Its Interaction with International Human Rights Law*. Leiden, 2009. 758 p.

Bassiouni C. “Crimes against Humanity”: The Need for a Specialized Convention. *Columbia Journal of Transnational Law*, 1994, vol. 31, no. 3, pp. 457–494.

Bassiouni C. *Crimes Against Humanity: Historical Evolution and Contemporary Application*. Cambridge, 2011. 819 p.

Bassiouni C. Crimes against Humanity: The Case for a Specialized Convention. *Washington University Global studies Law Review*, 2010, vol. 9, no. 4, pp. 575–593.

Bassiouni C. *Introduction to International Criminal Law*. Leiden, 2012. 1101 p.

Beigbeder Y. *International Justice Against Impunity: Progress and New Challenges*. Leiden, 2005. 247 p.

Bergsmo M., Ling C.W. Placing Old Evidence and Core International Crimes on the Agenda of the International Discourse on International Criminal Justice for Atrocities. *Old Evidence and Core International Crimes*. Eds. M. Bergsmo, C.W. Ling. Beijing, 2012, pp. 1–8.

Blewitt G. The International Criminal Tribunals for the Former Yugoslavia and Rwanda. *Justice for Crimes against Humanity*. Eds. M. Lattimer, P. Sands. Oxford and Portland, Oregon, 2004, pp. 128–145.

Brollowski H. Military Robots and the Principle of Humanity: Distorting the Human Face of the Law? *Armed Conflict and International Law: In Search of Human Face*. Eds. M. Matthee, B. Toebes, M. Brus. The Hague, 2013, pp. 53–96.

Carpanelli E. General Principles of International Law: Struggling with a Slippery Concept. *General Principles of Law — The Role of Judiciary*. Ed. by L. Pineschi. Heidelberg, 2015, pp. 125–144.

Cassese A. Crimes against Humanity. *The Rome Statute of International Criminal Court: A Commentary*, vol. I. Oxford, 2002, pp. 353–375.

Cassese A. *International Criminal Law*. Oxford, 2007. 445 p.

Cassese A. The Martens Clause: Half a Loaf or Simply Pie in the Sky? *European Journal of International Law*, 2000, vol. 11, no. 1, pp. 187–216.

Chetail V. Vklad Mezhdunarodnogo suda v mezhdunarodnoe gumanitarnoe pravo [The contribution of the International Court of Justice to international humanitarian law]. *Mezhdunarodnyi zhurnal Krasnogo Kresta [International Journal of Red Cross]*, 2003, no. 849, pp. 89–128. (in Russian)

Clark R. History of Efforts to Codify Crimes Against Humanity: From the Charter of Nuremberg to the Statute of Rome. *Forging a Convention for Crimes Against Humanity*. Ed. by L. N. Sadat. Cambridge, 2011, pp. 8–27.

Commission on the Responsibilities of the Authors of War and on Enforcement of Penalties for Violations of the Laws and Customs of War. *American Journal of International Law*, 1920, vol. 14, no. 1–2, pp. 95–128.

Crimes against Humanity Initiative: A Rule of Law Project of the Whitney R. Harris World Law Institute. Available at: <http://law.wustl.edu/harris/crimesagainsthumanity> (accessed: 24.07.2016).

Damgaard C. *Individual Criminal Responsibility for Core International Crimes: Selected Pertinent Issues*. Heidelberg, 2008. 456 p.

Darcy S. *Collective Responsibility and Accountability under International Law*. Leiden, 2007. 424 p.

Darcy S. *Judges, Law and War: The Judicial Development of International Humanitarian Law*. Cambridge, 2014. 362 p.

David R. *Printsipy prava vooruzhennykh konfliktov [The Principles of the Law of Armed Conflicts]*. Moscow, International Committee of the Red Cross, 2000. 1144 p. (in Russian)

Dinstein Y. The Principle of Proportionality. *Searching of a "Principle of Humanity" in International Humanitarian Law*. Eds. K. Mujezinovic-Larsen, C. Cooper, G. Nystuen. Cambridge, 2013, pp. 72–85.

Draft Code of Crimes against the Peace and Security of Mankind with Commentaries. *Yearbook of the International Law Commission*, 1996, vol. II, part Two, pp. 17–56.

Earl H. *The Nuremberg SS-Einsatzgruppen Trial. 1945–1948: Atrocity, Law, and History*. Cambridge, 2010. 336 p.

First Report on Crimes against Humanity: By Sean D. Murphy, Special Rapporteur. Para. 21. Available at: http://legal.un.org/docs/index.asp?symbol=A/CN.4/680&referer=http://legal.un.org/ilc/guide/7_7.shtml&Lang=E (accessed: 18.06.2016).

Fleck D. State Responsibility Consequences of Termination of or Withdrawal from Non-Proliferation Treaties. *Non-Proliferation Laws as a Special Regime: a Contribution to Fragmentation Theory in International Law*. Eds. D. Joyner, M. Roscini. Cambridge, 2013, pp. 250–269.

Forms of Responsibility in International Criminal Law. Eds. G. Boas, J. Bishoff, N. Reid. Cambridge: Cambridge University Press, 2007. 430 p.

Frulli M. The Special Court for Sierra Leone: Some Preliminary Comments. *European Journal of International Law*, 2000, vol. 11, no. 4, pp. 857–869.

Giladi R. The Enactment of Irony Reflections on the Origin of the Martens Clause. *European Journal of International Law*, 2014, vol. 25, no. 3, pp. 847–869.

Guifoye D. *International Criminal Law*. Oxford: Oxford University Press, 2016. 472 p.

Heller K. *The Nuremberg Military Tribunals and the Origins of International Criminal Law*. Oxford, 2011. 536 p.

Hwang P. Defining Crimes Against Humanity in the Rome Statute of International Criminal Court. *Fordham Journal of International Law*, 1998, vol. 22, no. 2, pp. 457–504.

Jalloh C. Introduction. *The Sierra Leone Special Court and Its Legacy: The Impact for Africa and International Criminal Law*. Ed. by C. Jalloh. Cambridge, 2015, pp. 1–22.

Judicial Creativity at the International Criminal Tribunals. Ed. by S. Darcy, J. Powderly. Oxford, 2010. 391 p.

Jurdi N. *The International Criminal Court and National Courts: A Contentious Relationship*. Burlington, 2011. 322 p.

Kalshoven F. *Reflection of the Law of War: Collected Essays*. Leiden, 2007. 1118 p.

Kirsch S. *Der Begehungszusammenhang der Verbrechen gegen die Menschlichkeit*. Frankfurt, 2009. 176 s.

Kittichaisaree K. *International Criminal Law*. Oxford, 2001. 482 p.

Knoops G.-J. *An Introduction to the Law of International Criminal Tribunals: A Comparative Study*. Leiden, 2014. 378 p.

Kreß C. The International Court of Justice and the Law of Armed Conflict. *The Development of International Law by the International Court of Justice*. Ed. by C. Tams, J. Sloan. Oxford, 2013, pp. 263–300.

Levis M. *The Birth of the New Justice: The Internationalization of Crime and Punishment, 1919–1950*. Oxford, 2014. 346 p.

- Lipin T. On the Legality of Development Nuclear Weapons. *National Taiwan University Law Review*, 2011, vol. 6, no. 2, pp. 521–580.
- Luban D. A Theory of Crimes against Humanity. *Yale Journal of International Law*, 2004, vol. 29, no. 1, pp. 85–167.
- Lukashuk I. I. *Mezhdunarodnoe pravo: Osobennaiia chast'* [International Law: Special Part]. Moscow, Wolters Kluwer Publ., 2010. 544 p. (in Russian)
- Luping D. Investigation and Prosecution of Sexual and Gender-Based Crimes Before International Criminal Court. *Journal of Gender, Social Policy and Law*, 2009, vol. 17, no. 2, pp. 431–496.
- Maogoto J. The Work of National Military Tribunals under Control Council Law 10. *The Legal Regime of the International Criminal Court: Essays in Honour of Professor Igor Blishchenko*. Eds. J. Doria, H.-P. Gasser, C. Basiouni. Leiden, 2009.
- McCormack T. From Sun Tzu to the Six Committee: The Evolution of an International Criminal Law Regime. *The Law of War Crimes: National and International Approaches*. Eds. T. McCormack, G. Simpson. The Hague, 1997, pp. 31–64.
- Meleshnikov A. V. K voprosu o dopustimosti primeneniia iadernogo oruzhiia (po materialam Konsul'tativnogo zakliucheniiia Mezhdunarodnogo suda OON) [On the Issue of the Admissibility of the Use of Nuclear Weapons (Based on the Materials of the Advisory Opinion of the International Court of Justice)]. *Vestnik of Lobachevsky University of Nizhni Novgorod*, 2011, no. 4, pp. 265–268. (in Russian)
- Meron T. *The Humanitarization of International Law*. Leiden, 2006. 552 p.
- Meron T. The Martens Clause, Principles of Humanity, and Dictates of Public Conscience. *American Journal of International Law*, 2000, vol. 94, no. 1, pp. 78–89.
- Meseke S. *Der Tatbestand der Verbrechen gegen die Menschlichkeit nach dem Römischen Statut des Internationalen Strafgerichtshofes. Eine völkerstrafrechtliche Analyse*. Berlin, 2005.
- Murphy S. Toward a Convention on Crimes against Humanity? *La Revue des droits de l'homme*, 2015, no. 7, pp. 1–10.
- Nollkaemper A. Systematic Effects of International Responsibility for International Crimes. *Santa Clara Journal of International Law*, 2010, vol. 8, no. 1, pp. 313–352.
- Ntoubandi F. *Amnesty for Crimes against Humanity under International Law*. Leiden, 2007. 252 p.
- Oberleitner G. *Human Rights in Armed Conflict*. Oxford, 2015. 412 p.
- Oosterveld V. Sexual Slavery and the International Criminal Court: Advancing International Law. *Michigan Journal of International Law*, 2004, vol. 25, no. 3, pp. 605–651.
- Ortega M. The ILC Adopts the Draft Code of Crimes against the Peace and Security of Mankind. *Max Planck Yearbook of UN Law*, 1997, no. 1, pp. 285–386.
- Pocar F., Carter L. The Challenge of Shaping Procedures in International Criminal Courts. *International Criminal Procedure: The Interface of Civil Law and Common Law Legal Systems*. Eds. F. Pocar, L. Carter. Cheltenham, 2013, pp. 1–33.
- Roberge M.-C. Jurisdiction of the ad hoc Tribunals for the Former Yugoslavia and Rwanda over Crimes against Humanity and Genocide. *International Review of the Red Cross*, 1997, vol. 37. Special Issue no. 321, pp. 651–664.
- Robinson D. Defining Crimes Against Humanity in the Rome Conference. *American Journal of International Law*, 1999, vol. 93, no. 1, pp. 43–57.
- Safarov N. A. [Cooperation in the Field of Criminal Justice: “Vertical” and “Horizontal” Models]. *Mezhdunarodnoe ugovnoe pravosudie: sovremennye problemy [International Criminal Justice: Contemporary Problems]*. Eds. G. I. Bogush, E. N. Trikoz. Moscow, Institute of law and public policy, 2009, pp. 429–443. (in Russian)
- Safarov N. A. *Ekstraditsiia v mezhdunarodnom ugovnom prave: problemy teorii i praktiki [Extradition in International Criminal Law: Problems of Theory and Practice]*. Moscow, Wolters Kluwer Publ., 2005. 416 p. (in Russian)

- Salter M. Reinterpreting Competing Interpretations of the Scope and Potential of Martens Clause. *Journal of Conflict and Security Law*, 2012, vol. 17, no. 3, pp. 403–437.
- Sato H. *The Execution of Illegal Orders and International Criminal Responsibility*. Heidelberg, 2011. 175 p.
- Schabas W. *An Introduction to the International Criminal Court*. Cambridge, 2017. 577 p.
- Schabas W. *The International Criminal Court: A Commentary*. Oxford, 2017. 1589 p.
- Schabas W. *The UN International Criminal Tribunals: The Former Yugoslavia, Rwanda and Sierra Leone*. Cambridge, 2006. 678 p.
- Schmitt M. Military Necessity and Humanity in International Humanitarian Law: Preserving the Delicate Balance. *Virginia Journal of International Law*, 2010, vol. 50, no. 4, pp. 795–839.
- Schocken C. The Special Court for Sierra Leone: Overview and Recommendations. *Berkeley Journal of International Law*, 2002, vol. 20, no. 2, pp. 436–461.
- Schwelb E. Crimes against Humanity. *Perspectives on the Nuremberg Trial*. Ed. by G. Mettarux. Oxford, 2008, pp. 120–166.
- Shahabuddeen M. *International Criminal Justice at the Yugoslav Tribunal: A Judge's Recollection*. Oxford, 2012. 264 p.
- Silva Da C. The Hybrid Experience of the Special Court for Sierra Leone. *Research Handbook on International Criminal Law*. Ed. by B. Brown. Cheltenham, 2011, pp. 232–260.
- Skuratova A. K voprosu o priniatii Konventsii o prestupleniakh protiv chelovechnosti: materialy raboty Komissii mezhdunarodnogo prava OON [Towards the Adoption of the Convention of Crimes against Humanity: Exploring the Materials of International Law Commission]. *Moskovskii zhurnal mezhdunarodnogo prava [Moscow Journal of International Law]*, 2013, no. 3, pp. 58–75. (in Russian)
- Smis S., Van der Borgh K. The Advisory Opinion on the Legality of the Threat or Use of Nuclear Weapons. *Georgia Journal of International & Comparative Law*, 1999, vol. 27, no. 2, pp. 345–387.
- Solis G. *The Law of Armed Conflict: International Humanitarian Law in War*. Cambridge, 2010. 864 p.
- Stephenst D. Human Rights and Armed Conflict — The Advisory Opinion of the International Court of Justice. *Yale Human Rights and Development Law Journal*, 2001, vol. 4, no. 1, pp. 1–24.
- The Genocide Convention: Travaux Préparatoires*. Ed. by H. Abtahi, P. Webb. Leiden, 2008. 2132 p.
- The Legacy of the International Criminal Tribunal for the Former Yugoslavia*. Ed. by Swart B., Zahar A., Sluiter G. Oxford, 2011. 550 p.
- The Obligation to Extradite or Prosecute (aut dedere aut judicare)*. Final Report of the International Law Commission. Available at: Yearbook of the International Law Commission. 2014. Vol. II. Part Two. Available at: http://legal.un.org/ilc/texts/instruments/english/reports/7_6_2014.pdf (accessed: 23.07.2016).
- Thirlway H. *The Sources of International Law*. Oxford, 2014. 239 p.
- Timmermann W. *Incitement in International Law*. New York, 2015. 279 p.
- Trindade A. *International Law for Humankind: Towards a New Jus Gentium*. 2nd rev. ed. Leiden, 2013. 726 p.
- Trindade A. Some Reflections on the Principle of Humanity in its Wide Dimension. *Research Handbook on Human Rights and Humanitarian Law*. Ed. by R. Kolb, G. Gaggioli. Cheltenham, 2013, pp. 188–197.
- Valeev R. M. Kodifikatsiia prestuplenii protiv chelovechnosti (k 70-letiiu Niurnbergskogo protessa) [Codification of Crimes against Humanity (Towards to the 70th

ПРЕДУПРЕЖДЕНИЕ И НАКАЗАНИЕ ПРЕСТУПЛЕНИЙ ПРОТИВ ЧЕЛОВЕЧНОСТИ
САФАРОВ Н. А., САФАРОВ Ф. Н.

Anniversary of Nuremberg Process)]. *Iuridicheskie nauki [Legal Sciences]*, 2015, no. 3, pp. 69–74. (in Russian)

Van Den Boogaard J. Fighting by the Principles: Principles as a Source of International Humanitarian Law. *Armed Conflict and International Law: In Search of Human Face*. Eds. M. Matthee, B. Toebes, M. Brus. The Hague, 2013, pp. 3–32.

Van den Herik L. *The Contribution of the Rwanda Tribunal to the Development of International Law*. Leiden, 2005. 324 p.

Van Sliedregt E. *Individual Criminal Responsibility in International Law*. Oxford, 2102. 376 p.

Vianney-Liaud M. Determining the Relationship between International and Domestic Laws within an Internationalized Court: An Example From the Cambodian Extraordinary Chambers' Jurisdiction Over International and Domestic Crimes. *Goettingen Journal of International Law*, 2014, vol. 6, no. 2, pp. 303–326.

Werle G. *Printsipy mezhdunarodnogo ugolovnogo prava [Principles of International Criminal Law]*. Moscow, Translit Publ., 2011. 912 p. (in Russian)

Werle G., Jessberger F. *Principles of International Criminal Law*. Cambridge, 2014. 676 p.

Williams S. *Hybrid and Internationalized Criminal Tribunals: Selected Jurisdictional Issues*. Oxford and Portland, Oregon, 2012. 470 p.